УДК 94=161.1(093)»0/2» (470.23)(=1.2)

В. А. Орав

«Итоги финансовой деятельности... крайне неудовлетворительны»: Докладная записка о финансовом положении колхозов Ленинградской области (1949 г.)

История советского крестьянства в сталинскую эпоху принадлежит к числу тем, относительно хорошо изученных[1]. Наиболее убедительное объяснение того, почему в СССР в 30-х гг. была проведена коллективизация сельского хозяйства, заключается в стремлении советского руководства получить средства для ускоренной модернизации путем неэквивалентного обмена и внеэкономического принуждения[2].

Без существенных изменений система колхозов существовала и во второй половине 40-х гг. Калининградский исследователь Ю. В. Костяшов полагает: «В посткоммунистической публицистике положение в деревне было принято сравнивать с крепостным правом, но колхозный строй был, пожалуй, бóльшим злом. Чудовищно неэффективная система организации труда при полном отсутствии мотивации работников порождала ничтожные результаты... которые

[1] См.: *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. Вологда, 1991; *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; *Нефедов С. А.* О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1; *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. М., 2002; «Постановление правительства застало нас врасплох...» Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. Публикация К. А. Болдовского // Новейшая история России. 2013. № 2; и др.

[2] *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 48.

почти полностью конфисковывались... государством»[3]. Из числа же современников лучше всех эксплуататорскую сущность колхозного строя выразил М. М. Розанов: «Советская закономерность: кто действительно работает, тот едва таскает ноги, кто болтается под ногами, тот живет с грехом пополам, а кто присосался как тля, тот катается будто сыр в масле»[4].

Как показала практика, изъятие продукции посредством колхозов было сопряжено с большими издержками. Значительная ее часть не поступала в распоряжение государства, а утекала на сторону. Об этом свидетельствует документ — публикуемая здесь докладная записка представителя Совета по делам колхозов по Ленинградской области В. Васильева председателю этого Совета, члену Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву. Ценность данного источника заключается в том, что здесь нашли отражение как довольно известные способы разбазаривания колхозного добра (общественное питание, подписка на займы), так и не исследованные в полной мере (командировочные расходы и др.). Следует отметить, что записка была написана с позиции признания безусловной целесообразности ограбления крестьянства и убежденности в гипотетических преимуществах колхозного строя, поэтому не слишком значительные с точки зрения современного читателя растраты или небольшое снижение доходов воспринималось автором документа резко отрицательно.

Авторство документа позволяет утверждать, что источник обладает высокой степенью достоверности. Совет по делам колхозов при Правительстве СССР был учрежден в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Целью этого органа и его представительств на местах было поставлено «установление строгого контроля за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели». Задачами Совета были: выработка мер по расширению общественного хозяйства колхозов, ограждение последнего от расхищения и посягательств «частнособственнических и рваческих элементов», контроль над правильным распределением доходов в артели и т.д. Совет имел право давать обязательные указания по ликвидации выявленных нарушений для министерств, ведомств и местных органов, а также накладывать взыскания на лиц, виновных в нарушении Устава. Представители Совета по делам колхозов в областях, краях и автономных республиках утверждались Советом Министров СССР и были независимы от местных партийных и советских органов. Помимо этого, они имели право «требовать от всех местных органов и правлений колхозов немедленной ликвидации... этих нарушений или злоупотреблений»[5]. Вместе с тем из записки и обстоятельств ее появления видно, что Совет и его региональные структуры не столько занимались пресе-

[3] *Костяшов Ю. В.* Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. М., 2015. С. 242.

[4] *Розанов М. М.* Завоеватели белых пятен. Лимбург, 1951. С. 106.

[5] СП СССР. 1946. № 14. Ст. 271.

чением нарушений, сколько информировали партийно-государственное руководство о положении в деревне.

По всей видимости, факты, приведенные в записке, впервые были озвучены автором публикуемого документа во время работы пленума Ленинградского обкома ВКП(б) 29 июня 1949 г.[6] На основании этой информации 18 августа была подготовлена докладная записка, оригинал которой был направлен в Совет по делам колхозов. 2 сентября Президиум Совета принял постановление, которым представителю по Ленинградской области поручалось внести эту записку в обком партии и облисполком для ее рассмотрения и принятия на месте надлежащих мер[7]. Копия записки 13 сентября была направлена в обком и отложилась в Партархиве Института истории партии, где и была обнаружена публикатором.

Текст имеет многочисленные подчеркивания красным карандашом, сделанные, очевидно, секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) В. М. Андриановым, так как именно ему был адресован данный экземпляр. Документ выявлен нами в Центральном государственном архиве историко-политических документов С.-Петербурга (ЦГАИПД СПб) в подготовительных материалах к заседаниям бюро Ленинградского обкома ВКП(б) и представляет собой машинописный текст на листах обычного формата. Текст приведен в соответствие с современными нормами русского языка; мелкие грамматические ошибки исправлены без оговорок. Слова, заключенные в квадратные скобки, добавлены в необходимых случаях автором для лучшего восприятия текста.

18 августа 1949 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ КОЛХОЗОВ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ СССР

тов. АНДРЕЕВУ А. А.

О СОСТОЯНИИ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВЫПОЛНЕНИИ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ СМЕТ И НАРУШЕНИЯХ ФИНАНСОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В КОЛХОЗАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Большие задачи по восстановлению и развитию колхозного хозяйства, вопросы выполнения 3-летнего плана развития общественного животноводства[8],

[6] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 49. Д. 18. Л. 8.

[7] Там же. Д. 318. Л. 90.

[8] Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства был принят постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) 18 апреля 1949 г. В соответствии с ним производство мяса, молока, яиц, шерсти и других продуктов должно было увеличиться в 1,5 раза, предусматривалось значительное

электрификации и механизации колхозов нельзя решить без коренного изменения в отношениях к колхозным финансам.

К сожалению, до настоящего времени в Ленинградской области не чувствуется серьезного понимания громадной роли рубля в укреплении хозяйства колхоза.

Это наше заявление подтверждается плохими итогами финансовой деятельности колхозов за 1948 год, неудовлетворительным отношением многих правлений колхозов, районных и областных советских, земельных органов к составлению и исполнению приходо-расходных смет в колхозах в 1949 году и множеством фактов нарушений финансовой дисциплины, вскрытых нами при проведении специальной проверки 6-ти районов области, имеющих 307 колхозов, и материалом предыдущих проверок в колхозах остальных районов области.

I. Итоги финансовой деятельности колхозов за 1948 год

Итоги финансовой деятельности колхозов Ленинградской области за 1948 год крайне неудовлетворительны. Несмотря на увеличение количества колхозов в области, увеличение урожайности и валовой продукции полеводства, а также и животноводства, денежные доходы колхозов в 1948 году уменьшились против 1947 года. В 1947 году они равнялись 73078 тыс. руб., а в 1948 году 72483 тыс. рублей.

Это уменьшение денежных доходов нельзя объяснить проведением денежной реформы[9] и снижением цен на колхозном рынке. Против такого объяснения говорят факты и примеры передовых районов и колхозов.

Из 32 районов области в 12 денежные доходы колхозов в 1948 году после денежной реформы не уменьшились, а возросли.

Денежные доходы в колхозах области в тыс. руб.

Наименование района	1947 год	1948 год
Волосовский	7086	8657
Гатчинский	4760	6293
Осьминский	2438	3165
Сосновский	1301	1388
Волховский	2931	2369
Кингисеппский	6930	5436
Киришский	1838	1270
Сланцевский	1344	1040
Тихвинский	3874	3457

повышение продуктивности скота и расширение кормовой базы. Для колхозов был утвержден повышенный минимум поголовья общественного скота и птицы, в каждом колхозе должно было быть организовано несколько животноводческих ферм.

9 Имеется в виду постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

В первой группе районов борьба за повышение денежных доходов была организована, а во второй она отсутствовала.

В связи с уменьшением денежных доходов в колхозах области в 1948 году уменьшилось отчисление на пополнение неделимого фонда[10].

В 1947 году в неделимый фонд было отчислено 11 664,9 тыс. руб., а в 1948 году 11 557 тыс. рублей. Увеличился недовзнос средств на капвложения. В 1947 году он составлял 4247 тыс. руб., а в 1948 году 5083 тыс. рублей. Возросли денежные расходы на адм. хозяйственные нужды с 1,6 % в 1947 году до 1,7 % в 1948 году.

По годовому отчету за 1948 год больше половины колхозов области — 1003 из 1947 не выдали на трудодень ни одной копейки денег, в то же время возросла натуральная выдача на трудодень товарной продукции, каковой является в условиях Ленинградской области картофель и овощи.

Колхозы Волховского, Новоладожского, Пашского, Красносельского и ряда других районов увеличили выдачу на трудодень картофеля и овощей в 3–4 раза, доведя ее в отдельных колхозах до 10 и больше кг на трудодень, в то же самое время уменьшили выдачу на трудодень денег. Эта неправильная политика распределения доходов, ведущая к ущемлению интересов общественного богатства колхоза, не нашла должного отпора со стороны районных и областных организаций.

В то время как колхозники, получая большие излишки картофеля и овощей, ими торговали, получая большой доход, в колхозах области уменьшились отчисления на пополнение неделимого фонда. В этом в большей мере повинны областные и городские руководящие органы.

Осенью 1948 года многие колхозы не знали, куда сбыть товарные излишки картофеля и овощей, а в г. Ленинград за сотни и тысячи километров из Белоруссии, Украины, Ярославской и др. областей завозились тысячи вагонов картофеля и овощей[11].

Весною 1949 года из Ленинграда обратно за тысячи километров было вывезено 1860 вагонов излишнего и испорченного картофеля.

При недостатке в колхозах денег резко возросла против 1947 года дебиторская задолженность[12]. Долги учреждений и лиц по годовому отчету за 1948 год составляют 8627 тыс. рублей, т.е. почти в 1,5 раза больше, чем в 1947 году (5415 тыс. рублей) и равняются почти 12 % всех годовых денежных доходов колхозов области.

---

[10] Неделимый фонд — основная часть производственных фондов колхоза, не подлежащая распределению между колхозниками, включает в себя средства производства (основной капитал) артели.

[11] По свидетельству секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Ф. Бадаева, Ленинград снабжался овощами и картофелем главным образом за счет завоза из 16 областей и республик СССР (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6845. Л. 1).

[12] Дебиторская задолженность — сумма долгов, причитающихся предприятию, учреждению со стороны других предприятий, учреждений или лиц.

Как видно из сводного годового баланса, почти в два раза возросли долги колхозов по сравнению с предыдущим годом. Долги колхозов в 1948 году равняются 25 444 тыс. руб., в т.ч.:

банку по просроченным ссудам	1777 тыс. руб.
учреждениям и лицам	13 459 тыс. руб.
колхозникам по трудодням	4873 тыс. руб.
недовзносы в неделимые фонды	5083 тыс. руб.
остаток по культфонду, подлежащий расходованию	252 тыс. руб.
Наличие средств для расчетов	14 213 тыс. руб.
в т.ч. наличие денежных средств	4827 тыс. руб.
стоимость продукции, выделенной для продажи	2494 тыс. руб.
долги членов колхозов (90%)	5634 тыс. руб.
долги учреждений и лиц (90%)	5634 тыс. руб.
недостает средств для расчетов за 1948 г.	11 231 тыс. руб.
недоставало средств для расчетов за 1947 г.	5970 тыс. руб.

Приходо-расходная смета колхозов не выполнялась. Вместо предусмотренных сметой доходов в 122 584 тыс. руб. фактически получено доходов 72 433 тыс. руб., или 59%, а израсходовано 75 080 тыс. руб., т.е. больше на 2597 тыс. рублей, чем получено доходов.

Почему колхозы Ленинградской области, имея рядом г. Ленинград, являющийся громадным рынком сбыта любой продукции сельского хозяйства, окончили 1948 год с таким тяжелым финансовым состоянием?

Это прежде всего можно объяснить неудовлетворительной работой правлений колхозов, районных и областных земельных и советских органов по вопросам финансовой деятельности колхозов, отсутствием борьбы за выполнение расходной сметы колхоза, отсутствием борьбы с нарушениями финансовой дисциплины.

В чем эта неудовлетворительная работа конкретно проявляется, мы покажем на фактах и примерах текущего 1949 года.

II. Составление и исполнение приходо-расходных смет в колхозах Ленинградской области в 1949 году

Составление приходо-расходных смет в колхозах Ленинградской области в текущем году было затянуто до самого весеннего сева.

На 1 марта с.г., то есть к сроку, установленному правительством, сметы были составлены в 281 колхозе, или только в 14% колхозов области. Сейчас орг[анизационно-]колхозный отдел Областного управления сельского хозяйства закончил составление сводной сметы по колхозам области, но данными

этой сметы еще никто из руководства Областного управления сельского хозяйства и Облисполкома не интересовался.

Из материалов наших неоднократных проверок видно, что приходо-расходные сметы во многих колхозах области составлялись формально. Порядок составления и рассмотрения сметы не соблюдался.

Смета колхоза «Большевик-2» Пашского района рассмотрена на заседании Исполкома райсовета 7 апреля 1949 года, в колхозе ее рассматривали 14 мая на собрании 1-й бригады. На общеколхозном собрании она совсем не рассматривалась.

По колхозу «Перестройка» Пашского района смета рассмотрена райисполкомом в начале июля этого года, а по колхозу «Красная Горка» (райсемхоз) смета до сих пор не утверждена общим собранием членов колхоза и не рассмотрена Исполкомом райсовета.

На общих собраниях членов колхоза при утверждении смет не соблюдается установленный Уставом с/хоз. артели кворум. На собраниях присутствовало менее 2/3 членов колхоза. В Пашском районе в колхозе «Победитель» из 55 членов колхоза на собрании присутствовал 31, или 56%, в колхозе «Боевой» из 37 чел. членов колхоза присутствовало 15, или 40%, в колхозе «Крестьянская Победа» из 113 членов колхоза присутствовало 34, или 30%, то же самое в колхозах «Перестройка», «Заря», «2-я Пятилетка». Сметы этих колхозов рассмотрены райисполкомом, но ни одно собрание не отменено.

В Красносельском районе на собрании колхозников колхоза «Воля Пахаря» при рассмотрении сметы присутствовало 49 членов колхоза из 111, или 44%, в колхозе «Михайловка» 40 из 80, или 50%, то же в колхозах «Глядино», «Кр[асное] Сибилево» и др.

Сколько присутствовало на общих собраниях при рассмотрении смет в колхозах «Заводы», «Победа», в протоколах не указано, а в колхозах «30 лет ВЛКСМ», «Ижорка» Красносельского района и «I ГЭС-Ёканда»[13] Подпорожского района совершенно нет протоколов собраний, на которых рассматривались сметы.

В колхозах «Волковицы» Красносельского района и «2-я Пятилетка» Пашского района приходо-расходных смет не нашли.

Сметы — важнейший уставной документ колхоза, очень часто заброшены в самый дальний угол шкафа колхозной канцелярии. Видно, что ими никто не интересуется. Оформлены сметы небрежно, написаны карандашом, без подписи зав. районным отделом сельского хозяйства, без выписки из протокола райисполкома (Красносельский район) и т.п.

Такое отношение к составлению смет и их оформлению характеризуют их роль и значение в деятельности правления колхоза.

Председатели колхозов, ревкомиссии, районные организации забывают о существовании сметы и вспоминают о ней в начале будущего года.

[13] ГЭС — государственная (или гидро)электростанция, Еканда (Ёканда) — деревня Важинского сельсовета Подпорожского района.

Ни в одном из проверенных нами районов вопросы хода выполнения смет в колхозах до сего времени не рассматривались. Облисполком этим вопросом в течение текущего года тоже не интересовался. Ни в областных, ни у районных организаций учета хода выполнения приходо-расходных смет колхозов не имеется.

Документальной проверкой 60 колхозов 6 районов области нами установлено, что сметы в колхозах области за первое полугодие 1949 года выполняются неудовлетворительно.

В колхоз «Кр[асный] Боевик» Подпорожского района за полугодие поступило денежных средств 1% от сметы, т.е. всего 473 руб., в колхоз «Объединенный труд» — 2%, 931 руб., «Красный треугольник» — 4%, 1566 руб. Всего из 60 колхозов смету выполнили:

от 1 до 10%	14 колхозов,
от 10 до 20%	21 колхоз,
от 20 до 30%	15 колхозов,
от 30 до 40%	5 колхозов и
от 40 до 50%	5 колхозов

Абсолютное количество колхозов смету за полугодие выполнило меньше чем на 20%. Это говорит о том, что борьбы за выполнение сметы в первом полугодии не было.

Хозяйство колхозов развито слабо, односторонне. Колхозы не возделывают ранних культур (тепличных, парниковых, огородных), столь необходимых для города Ленинграда. Не развивают птицеводства и скороспелого животноводства (свиньи, овцы, кролики и пр.). Очень низкий удой молока[14].

Колхозы, имеющие доходы сверх 30%, получили их главным образом за счет заработков на стороне, часть из которых являются незаконными (массовая продажа колхозного леса лесозаготовителям, сдача в г. Ленинград частным подрядчикам колхозных лошадей и т.п.).

При проверке выполнения смет колхозов нами установлены многочисленные факты нарушений Устава сельскохозяйственной артели и постановлений Правительства по финансовой деятельности колхозов.

[14] По данным уполномоченного Госплана СССР по Ленинградской области А. П. Подугольникова (август 1947 г.), в подавляющем большинстве колхозов области личного скота было больше, чем общественного. Например, в Гатчинском районе у колхозников имелось 1369 коровы, а на колхозных фермах — 732. Только 23% колхозов имели установленный минимум общественного крупного рогатого скота. Аналогичным образом дело обстояло со свиньями, мелким рогатым скотом и птицей (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6366. Л. 155–159).

III. Хранение денег колхозами

В Уставе сельскохозяйственной артели записано: «Свои свободные денежные средства артель хранит на своем текущем счету в банке или сберкассе». Проверка показала, что у большинства колхозов значительные суммы денег не проходят через банк, а хранятся у казначея, председателя, счетовода или у др. членов колхоза. В колхозе «Победа» Красносельского района из 119 421 руб. через банк прошло только 19 350 руб., или 16 %. В колхозе «Ленинская Искра» — 19,7, «Тиммолово» — 29 %, «Ижорка» — 31 %, «Перестройка» Пашского района — 16 %, «Победитель» — 22 %, «Крестьянская Правда» — 29 %, им. Кирова Приозерского района — 15 %, «Красное Знамя» — 20 % и т.д., а некоторые колхозы («Келози» и «Кр[асное] Сибилево» Красносельского района) ни одной копейки не сдали в Госбанк.

В результате такой практики растут растраты колхозных денег, происходят незаконные сделки по купле и продаже, не производятся отчисления на пополнение неделимого фонда. Колхоз не рассчитывается по госплатежам.

В колхозе «Глядино» Красносельского района на день ревизии в июне месяце у председателя колхоза тов. Мухина оказалось на руках 5243 руб., а в кассе колхоза 1017 руб. Такие факты не единичны.

IV. Растраты и дебиторская задолженность

Дебиторская задолженность колхозам за прошлый год увеличилась по сравнению с предыдущим годом в 1,5 раза и достигла большой суммы 8627 тыс. руб. Ликвидация дебиторской задолженности колхозам в области проводится крайне неудовлетворительно. По неполным данным 13 районных отделений Госбанка на 1 августа 1949 года колхозам должны различные учреждения и организации 340,3 тыс. рублей,

в том числе межрайонные отделения сельхозснабжения	51,8 тыс. руб.
Потребкооперация и Госторговля	27,5 « «
Лесные организации	66,6 « «
Промкооперация и местн[ая] промышл[енность]	14,2 « «
Заготовительные организации	31,0 « «
Ленгосторф	114,0 « «
Различные заводы	35,2 « «

Колхозы области в весенний и летний период ощущают острую нужду в деньгах, а областные организации, входящие в систему Министерства сельского хозяйства, призванные обслуживать колхозы, вместо помощи им стремятся свое плохое финансовое положение подправить за счет колхозов.

По данным балансовых отчетов на 1/VII 1949 года ЛОК[15] сельхозснабжения должна колхозам 400,6 тыс. рублей.

Лензаготживконтора	68,5 тыс. руб.
Ленинградский трест инкубаторно-птицеводческих станций	44,7 « «
Лен. обл. Эксплуатационная контора Ленсельэнерго	8,0 « «

В числе дебиторов колхозов наряду с различными организациями и лицами числятся руководящие сельские и районные работники. Колхозу «Торошковичи» Лужского района в течение года был должен председатель сельсовета Васильев 240 рублей за взятые из колхоза яблони и поросенка. Отрадненский сельсовет Приозерского района должен колхозу им. Кирова 1631 руб. Второй секретарь Рощинского РК ВКП(б) тов. Михайловский не уплатил колхозу им. Сталина 250 рублей за прокорм коровы и сверх этого весною он взял из колхоза взамен своей старой молодую высокоудойную корову.

Отдельные специалисты сельского хозяйства Киришского, Приморского, Тихвинского районов числятся дебиторами колхозов. Советские земельные органы, прокуратура и народные суды плохо борются за ликвидацию дебиторской задолженности колхозам.

Рассмотрение дел по взысканию дебиторской задолженности прокуратурой и нарсудом задерживается по несколько месяцев. Часто решения нарсудов не исполняются в течение ряда лет. Например, колхоз им. 3-й сталинской пятилетки Тихвинского района с 1946 года не может получить по исполнительному листу долг с агронома за взятую от колхоза корову.

В результате плохого учета, слабой работы ревизионных комиссий колхозов и инструкторов-бухгалтеров районных отделов сельского хозяйства в колхозах области большое количество растрат.

По годовому отчету за 1947 год числилось долгов по растратам и недостачам 301 тыс. руб., а за 1948 год 397 тыс. рублей.

Растраты колхозных средств производятся главным образом председателями колхозов, которые, пользуясь бесконтрольностью, держат при себе большие суммы денег, сами производят покупки различных материалов, инвентаря, наем рабочей силы и пр.

Особенно распространены растраты в колхозах, имеющих подсобные предприятия, автомашины, заработки на стороне.

Снабжение колхозов бензином, авторезиной, запчастями, различными материалами не налажено. Покупка производится «со стороны» по фиктивным документам[16].

[15] Ленинградская областная контора.

[16] В большинстве таких случаев бензин покупался с целью устройства частых поездок в райцентр для увеселений. Яркий пример такого поведения был представлен на совещании лекторов в обкоме ВКП(б) 9 августа 1950 г.: председатель колхоза «Слава героям» Лесогорского района Васильев почти каждый день ездил в райцентр для покупки водки.

Председатель колхоза им. Молотова Волосовского района Ахвинайнен продал мясо забитой коровы за 4200 руб., деньги в сумме 1895 руб. присвоил, а отчитался фиктивными документами на покупку бензина, запчастей и пр.

В этом же колхозе за год для автомашины куплено от частных лиц по сомнительным распискам бензина и запчастей на 7301 руб.

В Красносельском районе только за последнее время в колхозе «Волковицы» председатель растратил 4551 руб. В колхозе «Красное поле» предколхоза растратил 1327 руб., в колхозе им. 15-й годовщины Октября предколхоза растратил 1300 руб., в колхозе им. Обкома МОПРа[17] предколхоза растратил 1624 руб. и счетовод 1272 руб.

В Капшинском районе в колхозе им. 17 партсъезда предколхоза растратил 1293 руб., в колхозе «Большевик» предколхоза Торошков растратил 1676 руб., в колхозе «Огнеупор» предколхоза Томазов растратил 700 рублей и другие.

В Оятском районе предколхоза «Калиныч» растратил 1387 руб., в колхозе «Пойминские горы» предколхоза растратил 3878 руб., в колхозе «Волна» зав[едующий] МТФ[18] растратил 545 руб. и другие. Такие же факты и по другим районам области.

Часто растратчика колхозных средств в течение продолжительного времени районные власти не привлекают к ответственности, хотя знают, что он виновен в хищении колхозного имущества.

Например, в Тихвинском районе в 1946 году предколхоза «Валя» Борисов и счетовод колхоза Трофимова сняли со счета колхоза 3 тыс. рублей общественных денег, растратили их, но к растратчикам никаких мер не принято.

Районные прокуроры по году и больше затягивают следствия по делам растратчиков и расхитителей колхозных средств. Например, прокурор Волосовского района больше года не рассматривал дело по колхозу им. Молотова, ссылаясь на трудности получения санкции от областного прокурора на привлечение к ответственности предколхоза[19].

Бензин приобретался на стороне по запискам председателя (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 21).

[17] МОПР — Международная организация помощи революционерам, существовала в 1922–1947 гг.

[18] Молочно-товарная ферма.

[19] Подобного рода случаи имели очень широкое распространение. Органы суда, прокуратуры и юстиции своим поведением несколько смягчали репрессивный характер режима (см.: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008). Так, в 1949 г. секретарь Приморского РК ВКП(б) Д. Валдай вел безрезультатную борьбу с областной прокуратурой по поводу привлечения к ответственности одного из бывших председателей колхозов к уголовной ответственности: «Нашелся некто Дриль, работник прокуратуры, который заявил: “Неудачно подобрали фигуру для привлечения к уголовной ответственности”» (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 49. Д. 29. Л. 47).

V. Разбазаривание общественных колхозных средств

В области и в районах сейчас многие руководящие работники говорят о необходимости резкого увеличения денежных доходов колхозов и подсказывают пути решения данного вопроса — это увеличение урожайности и продуктивности животноводства, увеличение посевов ранних овощей и картофеля, разведение садов и ягодников, развертывание колхозной торговли и прочее.

Но все эти совершенно правильные мероприятия не принесут должного эффекта, если не будет борьбы за экономию каждой колхозной копейки, борьбы с разбазариванием общественных колхозных средств.

Выше мы говорили о явных растратчиках, расхитителях колхозной кассы. Но в гораздо больших размерах идет скрытое разбазаривание колхозных средств, которое часто остается незамеченным, о котором не говорят, с которым не борются, а зачастую даже ему способствуют отдельные земельные и советские органы.

Расходы на общественное питание

В колхозах Ленинградской области в период сенокоса и уборки большое распространение имеет расхищение общественного добра под видом так называемого бесплатного общественного питания[20]. Для этого общественного питания убиваются сотни голов скота, расходуются переходящие и страховые фонды, идет самая ценная продукция, могущая принести большой денежный доход колхозу при реализации ее на рынке.

По годовому отчету за 1948 год в колхозах области было получено мяса и сала 462 тонны. Из них на общественное питание израсходовано 76,3 тонны, выдано лицам, привлекаемым со стороны на уборочные работы, 7,8 тонны, на трудодни колхозникам выдано только 18,8 тонн.

Молока цельного на общественное питание пошло 780 тыс. литров, лицам, привлекаемым со стороны, 223 тыс. литров, на трудодни 520 тыс. литров.

Яйца — на общественное питание 94 тыс. штук, привлекаемым извне 9,4 тыс. штук, колхозникам на трудодни 8,7 тыс. штук. Кроме того, на общественное питание пошло:

497 кг	меда
228 кг	масла

[20] Эта практика тесно связана с привлечением нечленов колхоза для работы в колхозе. Общественное питание было одной из форм оплаты за проделанную работу людям, привлекаемым руководителями колхозов со стороны в условиях отсутствия трудовой мотивации самих колхозников. Факты использования и оплаты такого труда вызывали негодование властей, поскольку все социально-экономические отношения выстраивались исходя из представления о том, что непосредственный производитель должен работать бесплатно (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1400. Л. 64).

115 кг	сметаны
1160 кг	сыра
1168 кг	рыбы и
31 426 кг	простокваши

Кроме того, сотни кг крупы, муки, картофеля, овощей и пр. продуктов. По скромным подсчетам, на общественное питание и кормление лиц, привлекаемых со стороны, затрачено по государственным ценам одних продуктов животноводства стоимостью больше 5,5 млн рублей.

В текущем году в колхозах области продолжает иметь место разбазаривание общественных средств на бесплатное общественное питание.

Колхоз «Победа» Красносельского района на бесплатное общественное питание в первом полугодии текущего года затратил 1699 руб. 16 коп. общественных денег.

Колхоз «Горка» этого же района 27 июля 1949 года постановил прирезать одного бычка на общественное питание, подобных фактов очень много.

Расходы на различные праздничные обеды

Во многих колхозах имеет место расходование общественных денег на проведение различных праздничных обедов. Особенно часто бывают эти обеды во второй половине года. Но, как показала проверка уже и в первые месяцы 1949 года, большие суммы денег израсходованы на устройство этих «обедов».

В колхозе «Ленинская Искра» Красносельского района «на обед» 1 мая затрачено 1064 рубля колхозных денег. В колхозе «Заводы» 8 марта на обед затрачено 300 рублей и продано 1,5 тонны сена и 200 кг капусты на сумму 1648 руб. на празднование в честь проведения отчетного года.

Колхоз «Путь Сталина» израсходовал на обед 300 руб., колхоз «Герой» из кассы колхоза оплатил на устройство первомайского праздника 311 рублей, не считая колхозных продуктов.

Колхоз «Перестройка» Пашского района израсходовал на устройство праздника по случаю окончания весеннего сева 50 кг пшеницы, 20 кг ржи, 70 литров молока, 1 барана и 610 руб. денег, вырученных от продажи колхозного бычка.

Колхоз «Красная деревня» Оятского района израсходовал на празднование 8 марта 30 кг ржи, 16 кг пшеницы, 50 кг картофеля, 16 литров молока, 4 кг сахара, 1 кг маргарина и мясо 2-х овец. Такие же расходы в колхозах «Ленинский путь» Оятского района, «Красный пахарь» Капшинского района, «Красное знамя» Приозерского района и другие.

Продажа общественного скота и имущества по дешевым ценам

В колхозах области имеет место разбазаривание колхозного добра путем продажи колхозникам, начальству, знакомым и родным по низким ценам скота и продуктов. По годовому отчету за 1948 год колхозы области продали по цене:

	Колхозникам			На колхозном рынке		
	голов	сумма в тыс. руб.	средняя стоимость	голов	сумма в тыс. руб.	средняя стоимость
Коров	343	548	1600	324	783	2416
Прочий рогатый скот	993	714	760	893	956	1070
Свиньи	6769	1130	170	5285	1449	274
Овцы и козы	1344	163	121	1539	309	200
Птица и цыплята	3871	27	7	3663	60	16

Если бы колхозы не допускали нарушения Устава и весь скот продали по ценам, которые они получали на рынке, только от этого они получили бы дополнительного дохода 1200 тыс. рублей[21].

Факты продажи скота и др. имущества по низким ценам имеют место и в текущем году.

Проверка показала, что в колхозе «Григино» Капшинского района план развития свиноводства сорван. В колхозе сейчас стоит один хряк, 3 свиноматки и только один поросенок рождения 1948 года[22].

Всех лучших поросят в месячном возрасте весною этого года разбазарили. Пример подали районные руководители, купившие поросят по цене в 2–3 раза дешевле рыночной.

Секретарь РК ВКП(б) тов. Луговцев уплатил за поросенка 100 руб., секретарь РК ВЛКСМ тов. Глебов — 125 руб., председатель Райисполкома Смотряев 150 руб. А предколхоза вслед за начальством взял себе поросенка бесплатно.

Предколхоза «Красный бор» Лужского района Кириллова без разрешения правления колхоза продала председателю сельсовета тов. Яшину ржи 32 кг и ячменя 32 кг за 10 руб. 24 коп., и другие факты[23].

Исполком Облсовета в решении от 7 июля 1949 года признал, что: «Значительная часть сельскохозяйственной продукции колхозов продается по заниженным ценам, также выдается бесплатно на общественное питание, что привело к недополучению колхозами в 1948 году свыше 18 млн руб. доходов».

[21] Устав сельскохозяйственной артели 1935 г. не запрещал продавать общественный скот.

[22] Поросята наряду с птицей разбазаривались наиболее активно. Масштабы разбазаривания можно увидеть по следующему примеру: на начало 1949 г. в колхозах области имелось 60 тыс. голов взрослой птицы, а через полгода — только 47 тыс. Большинство цыплят, выводимых инкубаторными станциями, распределялось между колхозниками. Примерно такая же динамика была и в случае с поросятами (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 17. Л. 16).

[23] Так в тексте.

Покупка водки для скота

За последнее время ветеринарные работники ряда районных отделов сельского хозяйства требуют от колхозов покупки водки для лечения скота. Ветеринарный техник Буин Приозерского отдела сельского хозяйства 10/VI 1949 года предложил председателю колхоза «Путь Сталина» купить 1 литр водки и 2 кг сахара для лечения больной коровы.

Колхоз «Красное знамя» Приозерского района истратил на покупку водки для «лечения» коров 172 рубля, колхоз им. Кирова — 132 рубля, колхоз им. Сталина — 180 руб., колхоз «Красная деревня» Оятского района — 34 рубля, колхоз «Калиныч» — 69 руб., колхоз «Перелом» — 300 руб., колхоз «Новый путь» — 102 руб. Такие же факты имеются в Красносельском, Оредежском и других районах области.

Незаконная оплата счетов сельсоветов и содержание различных уполномоченных

Торошковский сельсовет Лужского района 2 февраля 1949 года на расходы по питанию членов избирательной комиссии по выборам нарсудей[24] получил с колхозов 250 рублей.

Кипенский сельсовет Красносельского района тоже «на выборы» получил с колхозов «Волковицы», «Воля пахаря» и другие по 50 рублей.

Председатель избирательной комиссии Шунгоровского сельсовета Красносельского района получил на расходы по выборам с колхоза «30 лет ВЛКСМ» 100 рублей, колхоз «Заводы» Красносельского района выдал избачу сельсовета 50 руб. на приобретение культинвентаря.

Колхоз «Герой» Приозерского района выдал 50 руб. председателю сельсовета на выборы. Аналогичные факты оплаты счетов сельсоветов имели место и в колхозах других районов.

Всё еще имеют место факты бесплатного кормления за счет общественного добра уполномоченных, приезжающих в колхозы по проведению различных кампаний.

В колхозе «Торошковичи» Лужского района на питание представителей из района, проводивших отчетно-выборные собрания 23 февраля и 2 марта и на питание лектора выдано из кладовой колхоза бесплатно: муки ржаной 10 кг, крупы 5,5 кг, мяса 5 кг.

В колхозе «Кр[асное] Сибилево» Красносельского района установлена оплата колхозникам, у которых проживают уполномоченные, по 10 руб.

[24] По Конституции СССР 1936 г. составы Верховного суда СССР, республиканских и региональных судов формировались соответствующими советами на пятилетний срок. Народные же судьи избирались населением на 3 года посредством прямых выборов.

и по 0,25 трудодня в сутки. За уход за агрономом из отдела сельского хозяйства выплачено по счету предколхоза Замчалову А. И. за 5 дней 50 руб. денег и начислено 1,25 т/дня.

В колхозе им. Кирова Приозерского района выдано бесплатно продуктов питания электромонтерам Викторову на 104 рубля и Капралову на 84 рубля.

В колхозах Капшинского района «Скороход», «2-я пятилетка», «Огнеупор» и др. уполномоченным из колхозных кладовых на питание бесплатно выписываются яйца, молоко и другие продукты.

Командировочные расходы

Командировочные расходы в колхозах области не упорядочены, в различных районах в колхозах они оплачиваются по-разному.

В Приозерском районе израсходовано на адм[инистративно-]хоз[яйственные] расходы и оплату командировок: в колхозе им. Сталина 6,5%, в колхозе «Победа» — 7%, колхозе «Красное Знамя» — 18% от общей суммы доходов, полученных колхозом в первом полугодии. Такое же положение в колхозах остальных районов, в Подпорожском районе в колхозе «Пионер» израсходовано на эти цели 11%, в колхозе «I ГЭС-Ёканда» — 5%. В Красносельском районе в колхозе «Тиммолово» — 6,9%, «Михайловка» — 3,7%, «Горка» — 3% и так далее.

Председателю колхоза «Путь Сталина» Приозерского района тов. Нуждину И. П. выплачено за пребывание на курсах в райцентре на расстоянии 0,5 км от колхоза за 20 дней по 10 руб. в день.

Председателю колхоза «Комсомолец» тов. Макарову за пребывание на курсах в райцентре на расстоянии от колхоза в 1 км выплачены командировочные по 10 руб. в день за 19 дней.

Такие же «командировочные» оплачивались предколхоза и в других районах по распоряжению отделов сельского хозяйства. В Красносельском районе по 21 колхозу за I полугодие израсходовано на командировочные расходы 11 415 руб., или 3,5% от всех доходов.

В ряде колхозов оплачивают командировки по поездке на Пленум Райкома ВЛКСМ, в нарсуд в качестве нарзаседателя[25] и прочее (колхоз «Путь Сталина» Приозерского района).

Количество оплачиваемых командировок в колхозах области велико.

В колхозе «Красное Знамя» Приозерского района за первую половину 1949 года было 53 командировки на сумму 1400 рублей. В колхозе «Герой» — 30 командировок и так далее.

[25] Зарплата на время исполнения обязанностей сохранялась только за народными заседателями из числа рабочих и служащих (Юридический словарь. М., 1953 // http://soviet_legal.academic.ru/1021/ (дата обращения 26 февраля 2016 г.)).

Оплата личной подписки колхозников по займу

Вопреки постановлению СНК СССР от 27 марта 1935 года и Совета Министров Союза ССР от 2 августа 1947 года № 2749, запрещающих оплату колхозными деньгами личной подписки колхозников по займу, в ряде районов области при попустительстве, а в ряде случаев при прямом участии сельских и районных работников, эта противозаконная практика имеет место.

Проверкой в колхозах: Лужского, Ломоносовского, Приморского, Красносельского, Приозерского районов вскрыты многочисленные факты оплаты общественными деньгами подписки колхозников по займу.

В колхозе «Воля пахаря» Красносельского района оплачена подписка колхозников в сумме 4300 рублей, из них на 1800 рублей выдан чек финагенту Ивановой, а 2500 рублей — наличными из кассы колхоза.

В колхозе им. Сталина Приозерского района уплачено общественными деньгами по подписке колхозников 4975 руб. В колхозе им. Кирова 6 тыс. рублей, в колхозе «Путь Сталина» — 2025 руб., в колхозе имени Крупской 3500 рублей.

В Лужском районе в колхозе «Дружный» оплачен заем колхозников 1400 руб., колхоз им. Менжинского — 3 тыс. руб. и другие.

В Ломоносовском районе в колхозе им. Ломоносова уплачено за колхозников по займу 2000 руб., колхозе «Пеники» — 2210 руб. В Приморском районе зав. сберкассой Орлов И. Н. требовал от колхозов им. Кирова и ряда других оплаты подписки по займу колхозников.

Активно участвовали в погашении подписки по займу колхозников из общественных средств колхозов председатели сельсоветов (Октябрьского — Приморский район, уполномоченные из районов — секретарь РК ВЛКСМ тов. Михайлов), финансовые агенты и так далее. Деньги за оплаченный за колхозников заем в канцеляриях колхозов расписывались в ведомости под видом выданного аванса. Причем эти «авансы» выдавались без учета выработанных трудодней и задолженности колхозников колхозу.

По годовому отчету за 1948 год колхозники должны колхозам около 2400 тыс. рублей. Большая часть этих долгов — это оплата подписки по займу колхозами за колхозников.

Областные организации, зная об этих фактах, реальных мер, предусмотренных Постановлениями Правительства, к расхитителям колхозной собственности до сего времени не приняли.

Лесные доходы

Большинство колхозов Ленинградской области имеют лес, закрепленный за ними по госакту на вечное пользование. Колхозные леса при правильной их эксплуатации, кроме удовлетворения потребностей общественного хозяйства, могут и должны приносить колхозу доходы.

При проверке колхозов Капшинского района нами установлены факты противогосударственной и антиколхозной практики, выражающейся в массовой продаже общественных колхозных лесов государственным лесозаготовителям.

Трест «Ленлес» Министерства лесной промышленности СССР и трест «Облллесзаг» Ленинградского Облисполкома имеют план лесозаготовок в Капшинском районе. Вместо привлечения из колхозов рабочей и тягловой силы на лесозаготовки, согласно постановления Правительства, указанные лесные организации договариваются с колхозами о том, что последние, не выезжая на лесозаготовки, «дома», в своих лесах выполняют государственный план лесозаготовок[26].

Древесину сдают лесозаготовителям, а последние им оплачивают стоимость заготовленной древесины.

Полученные таким образом доходы от продажи государственного леса государству колхозы используют на оплату госналогов, на производственные нужды и распределяют по трудодням вместо перечисления этих доходов на счет капиталовложений.

Как показала проверка, лесные организации эту противозаконную операцию «маскируют». Например: Капшинский ЛПХ[27] треста «Облллесзага» нам представил 25/VI 1949 года справку о том, что им в заготовительный сезон 1948/49 года куплено от колхозов района заготовленной колхозами деловой древесины 2295,8 куб. метров и дров 1341,7 куб. м на сумму 14908 руб. Основной заготовитель Капшинский леспромхоз «Ленлеса» аналогичной справки нам не выдал, ссылаясь на то, что у него нет точных сведений с лесопунктов.

Госбанк представил справку о дебиторской задолженности Капшинского леспромхоза Ленлеса на 1/VIII 1949 года колхозам района в сумме 31 тыс. руб. В колхозе «Рабочий» установлено, что им продано Капшинскому леспромхозу колхозного леса на 6 тыс. рублей по цене деловой древесины 17 руб. скл. кбм и дрова 15 руб. скл. кбм[28]. Полученные деньги израсходованы на уплату госналогов 2100 рублей и 3900 рублей на покупку овса для посева и на фураж.

Колхоз «Огнеупор» продал Капшинской сплавной конторе «Ленлес» колхозного леса на сумму 4167 руб., из них на пополнение неделимого фонда не пошло ни одной копейки. Аналогичное положение имеет место в колхозах «Красное Знамя», «Крестьянин», «Лизаново», «Красный Партизан», «Застрельщик», «2-я пятилетка» и другие.

[26] Эксплуатация лесов колхозами носила варварский характер: охрана лесов не производилась, правила рубки не соблюдались, очистка вырубок не производилась. Продажу леса можно охарактеризовать следующими данными: за 6 месяцев 1951 г. в Ленинградской области было выручено от продажи леса по 15 районам области (из 32) около 997 тыс. рублей. Из них в неделимый фонд было начислено не более 42% поступивших средств (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1656. Л. 79).

[27] Леспромхоз.

[28] Складской кубометр — единица измерения объема круглого леса.

Об этих фактах знают Капшинские районные и областные организации, но мер по их пресечению никаких не принимают.

Заработки на стороне

Колхозы Ленинградской области, расположенные вблизи города Ленинграда, имеют большие возможности в получении дополнительного дохода от заработков на стороне. К сожалению, до сего времени вопросами организации этих заработков никто не занимается, и к этому делу приложили свои грязные руки частные предприниматели, спекулянты и прочие темные личности.

В Тихвинском районе в колхозе «Новая жизнь» больше двух лет подвизался «делец» Беккер З. В., который под видом колхозного промысла организовал частнопредпринимательскую деятельность. На счет колхоза в Госбанке поступило 629,8 тыс. рублей, из которых около 350 тыс. руб. были присвоены Беккером. Беккер сейчас разоблачен, но он не один.

Председатель колхоза «Михайловка» Ропшинского сельсовета Красносельского района тов. Наумов в январе месяце 1948 года отправил в город Ленинград для заработка на стороне три колхозных лошади и передал их по договору гр. Вейн А. Ю., прожив. в г. Ленинграде. Последний выступал в Ленинграде как представитель колхоза «Михайловка», имея от последнего на это полномочия. В августе месяце 1948 года одна лошадь сломала ногу и была прирезана, а остальные продолжали работать в Ленинграде и только в апреле месяце 1949 года были доставлены в колхоз. Лошади прибыли в колхоз в истощенном состоянии и с повреждениями. Одна из этих лошадей не работает и до настоящего времени. За работу лошадей, по подсчетам колхоза, гр-н Вейн должен колхозу 44 000 руб., а последний не дал колхозу ни одной копейки и не возместил стоимости павшей лошади. 25 апреля 1949 года все материалы на гр. Вейна колхозом «Михайловка» переданы колхозом райпрокурору Красносельского района тов. Иванову, а последний до сих пор ничего не сделал, якобы потому что прокуратура не может установить местонахождение гр. Вейна А. Ю.

В июне месяце 1948 года колхоз им. Молотова Волосовского района направил 2 рабочие лошади в г. Ленинград на заработки. Колхозных лошадей и 2000 руб. на их кормление принял некий Кузнецов — якобы бригадир артели «Теплохим». Кузнецов по своему усмотрению от имени колхоза (он имел чистые бланки колхоза) эксплуатировал лошадей, получал за их работу оплату. Перечислив колхозу всего 6470 руб., Кузнецов скрылся, присвоив себе деньги и двух лошадей, уже полгода прокуратура ищет этого проходимца, но безрезультатно.

Так же на заработках в г. Ленинграде работают лошади колхозов «Красная Сосновка» и «Гладино» Красносельского района, «Замошье» и «Красный Бор» Ломоносовского района.

Вывеску ряда колхозов используют ленинградские дельцы под видом колхозных артелей такелажников.

Такая артель «такелажников» в 1948 году работала под вывеской колхоза «Пеники» Ломоносовского района.

VI. Учет и ревизионная работа в колхозах области

Плохая работа ревизионных комиссий и слабый контроль со стороны районных организаций за деятельностью правлений колхозов способствовали нарушению Устава сельскохозяйственной артели и финансовой дисциплины в колхозах области. Во многих колхозах за первое полугодие текущего года не было проведено ни одной ревизии. Из проверенных нами колхозов в колхозе «Победа» Красносельского района, в колхозе «Победа» Приозерского района, в колхозе «Красное Знамя» и «Красный пахарь» Пашского района, в колхозе «Разгар» Капшинского района не было в 1949 году ни одной ревизии и ни одной проверки работниками районных организаций.

Всего по 25 районам области, по данным ЛОУСХ[29], за полугодие не произведено ни одной ревизии в 255 колхозах из 1 536, или 16,6 %. По одной ревизии было произведено в 965 колхозах, или 62 %, по две ревизии в 326 колхозах, или в 21 %, и по 3 ревизии — только в 6 колхозах.

По тем же данным инструкторы-бухгалтеры районных отделов сельского хозяйства произвели проверку работы правлений:

по 1 разу	в 398 колхозах,
по 2 раза	в 69 колхозах и
по 3 раза	в 6 колхозах

а всего в 473 колхозах из 1536, что составляет 30,2 % от общего количества колхозов. Состояние учета в колхозах характеризуется следующими данными:

Из 1536 колхозов 25 районов области с хорошим и удовлетворительным состоянием учета 1186 колхозов, или 77 %, с плохим учетом — 359 колхозов, или 22,7 %, в 24 колхозах нет счетных работников.

Эти данные взяты из полугодовых отчетов старших инструкторов-бухгалтеров районных отделов сельского хозяйства, они, естественно, смягчают плохое положение с состоянием учета и ревизионной работы в колхозах области. По цифрам, данным нам Областным управлением сельского хозяйства, [которые] взяты из вышеуказанных отчетов, в Красносельском районе значится 10 колхозов с хорошим, 24 с удовлетворительным и нет ни одного колхоза с плохим состоянием учета: нашей же проверкой установлено, что в колхозе «Горка» данного района, согласно акта, составленного 9 июля с.г. старшим инструктором-бухгалтером РОСХ[30] тов. Ивановой и рев[изионной] комиссией

[29] Ленинградское областное управление сельского хозяйства.

[30] Районный отдел сельского хозяйства.

колхоза, большинство книг колхозного счетоводства не ведется. Записи текущего года в книгах либо отсутствуют, либо запутаны и произведены за март–апрель месяц. В конце акта указано: «Учет отсутствовал совершенно».

Так же неудовлетворительно организован учет в колхозах «Волковицы», «Красная Сосновка» и других.

На основании вышеизложенного материала видно, что состояние финансовой деятельности в колхозах Ленинградской области крайне неудовлетворительное. Об этом знают районные и областные организации, но действенных мер по ликвидации создавшегося положения не принимают.

Вопросы выполнения колхозных приходо-расходных смет, работы ревизионных комиссий колхозов, состояние учета и ликвидации нарушений финансовой дисциплины в колхозах не ставятся на обсуждение исполкомов районных и Областного Совета.

Просим Вас заслушать доклад Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся по данному вопросу и потребовать от него принятия конкретных действенных мер по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели и постановлений Правительства по финансовой деятельности колхозов.

Представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР
по Ленинградской области /В. Васильев/

ЦГАИПД СПб Ф. 24. Оп. 49. Д. 318. Л. 91–109. Заверенная копия. Отпечатано на бланке представителя Совета по делам колхозов по Ленинградской области

References

Beznin M. A. Krest'janskij dvor v Rossijskom Nechernozem'e, 1950–1965. Vologda, 1991.

Gregori P. Politicheskaja jekonomija stalinizma. M., 2008.

KostjashovJu. V. Povsednevnost' poslevoennoj derevni: iz istorii pereselencheskih kolhozov Kaliningradskoj oblasti. M., 2015.

Nefedov S. A. O hlebofurazhnyh balansah 1920–1930-h gg. // Novejshaja istorija Rossii. 2013. N 1. S. 48–63.

Popov V. P. Stalin i problemy jekonomicheskoj politiki posle Otechestvennoj vojny. M., 2002.

«Postanovlenie pravitel'stva zastalo nas vrasploh...» Meroprijatija po jekonomii hleba v partijnyh svodkah 1946 g. / Publikacija K. A. Boldovskogo // Novejshaja istorija Rossii. 2013. N 2. S. 265–282.

Rozanov M. M. Zavoevateli belyh pjaten. Limburg, 1951.

Zima V. F. Golod v SSSR1946–1947 godov: proishozhdenie i posledstvija. M., 1996.

Список литературы

Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. Вологда, 1991.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. М., 2015.

Нефедов С. А. О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 48–63.

Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. М., 2002.

«Постановление правительства застало нас врасплох...» Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. / Публикация К. А. Болдовского // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 265–282.

Розанов М. М. Завоеватели белых пятен. Лимбург, 1951.

УДК 94(47).084.6

В. С. Измозик

Фабрикация «покушения» на С. М. Кирова

Естественно, особа С. М. Кирова, первого секретаря Ленинградского ГК и ОК ВКП(б), члена Политбюро ЦК с 1930 г., нуждалась в охране. Большинство руководителей Ленинграда с середины 1920-х гг. жили компактно. Первоначально это была 9-я парадная дома 26/28, в которой было всего пять квартир, по одной на каждом этаже. Именно здесь проживали Г. Е. Зиновьев, командующий Петроградским (Ленинградским) военным округом В. М. Гиттис, секретарь губкома Г. Е. Евдокимов, зав. орготделом губкома А. С. Куклин, профсоюзный лидер Г. Ф. Федоров. После разгрома «новой оппозиции», которой они, кроме В. М. Гиттиса, руководили, они выбыли из города или переехали в более скромные апартаменты. Сосредоточение новых руководящих кадров с середины 1920-х гг. шло в доме 21 по Кронверкской улице, завершившись к 1932 г. Здесь занимали квартиры второй секретарь горкома ВКП(б) И. И. Газа, уполномоченный Наркомата тяжелой промышленности по Ленинграду Г. Н. Пылаев, прокурор Ленинградской области Б. П. Позерн, зав особым сектором обкома ВКП(б) Н. Ф. Свешников, председатель Ленинградского совета профсоюзов М. М. Серганин, председатель Леноблисполкома П. И. Струппе, второй секретарь обкома ВКП(б) М. С. Чудов и др. Таким же «анклавом» был один из подъездов дома 23/59 по Кронверкской улице. Здесь проживали председатель исполкома Ленсовета И. Ф. Кадацкий (Кодацкий), зам. начальника Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе И. В. Запорожец и др.[1]

[1] См.: *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010. С. 170–171, 173.

Сложность с охраной С. М. Кирова состояла в том, что он в апреле 1926 г. въехал в кв. 20 по второй парадной, остальные девять квартир которой представляли густонаселенные коммуналки. Например, в кв. 13 на 1934 г. проживало 9 семей, насчитывавших 21 человека[2]. До середины 1933 г. охрана Кирова состояла из трех человек: М. В. Борисова, Л. Ф. Буковского и неофициального сотрудника органов госбезопасности — швейцара. Обязанности охраны выполняли также оба его шофера — Ф. Г. Ершов и С. М. Юдин, жившие здесь же, в доме 23/59 по Кронверкской улице. У парадной был выставлен постоянный парный пост сотрудников оперативного отдела Ленинградского управления ОГПУ[3]. Но, тем не менее, по многочисленным рассказам известно, что к Кирову на улице неоднократно подходили люди с различными просьбами. Родившийся в 1925 г. и живший здесь же Б. М. Михайлов вспоминает, что, когда Киров, расставшись с товарищами у дома 21, шел через дворы к себе, у местных мальчишек сложилась даже некая традиция «выпрашивать у Кирова “на конфеты”, а то и “на хлеб”»[4]. Обыденность такого поведения окружающих подтвердил на допросе после убийства Кирова, 6 декабря 1934 г. начальник оперативного отдела Ленинградского управления НКВД А. А. Губин. На вопрос, почему Л. В. Николаев, задержанный 15 октября 1934 г. у кировской парадной, был отпущен, последовал ответ: «Я считал попытку Николаева подойти к т. Кирову с просьбой о предоставлении работы естественной и не возбуждающей подозрений, так как такие случаи бывали и ранее»[5].

В ситуации такой повседневности чекистами было разыграно дело, закончившееся гибелью четырех юношей. В декабре 1931 г. секретно-политический отдел «ликвидировал в Ленинграде межвузовскую контрреволюционную организацию “Независимый социальный союз”». Было арестовано 18 мужчин и одна женщина в возрасте от 21 года до 32 лет. Если верить имеющимся в деле документам, молодые люди выступали против эксплуатации человека человеком, «против предрешаемости форм труда», «против привилегий», за «равенство национальностей», «за конкуренцию», «за свободу становления мировоззрения», за необходимость «всё преломлять сквозь призму критического сознания», «во всем искать истину, смысл и сущность явлений» и т.п. Эти абсолютно нормальные и либеральные идеи были именованы в обвинительном заключении «социал-фашистскими»[6]. Самое пикантное, что лидером группы был провокатор, агент ОГПУ, студент 3-го курса физико-механического факультета

[2] Там же. С. 170.

[3] *Кирилина А. А.* Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М.: Нева-Олма-пресс, 2002. С. 272; Домовые книги 1930-х гг.

[4] *Михайлов Б. М.* На дне блокады и войны. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001. С. 80.

[5] *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Распятые революцией. Российские и советские прокуроры. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998. С. 454.

[6] Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77765. Т. 4. Л. 3, 5–11, 31–33.

Ленинградского университета, некий А. А. Михайлов. Это видно из того, что он был приговорен первоначально тройкой ПП ОГПУ в ЛВО 21 марта 1932 г. к 10 годам заключения в концлагере. Но уже 27 мая 1933 г. коллегия ОГПУ постановила немедленно освободить А. А. Михайлова, прежнее постановление считать условным и разрешить А. А. Михайлову «свободное проживание по СССР». При этом данная телефонограмма поступила в Полномочное представительство ОГПУ по ЛВО, т.е. за год с лишним после вынесения приговора А. А. Михайлов не был отправлен в лагерь для отбывания наказания[7].

Именно А. А. Михайлов дал показания о планировании террористической акции против Сталина, которую собирался совершить сам: хотел поехать в Москву, «добиться попасть на собрание или конференцию, где присутствовал бы Сталин, а затем стрелять в него из револьвера. <...> Я вполне сознательно готов был пожертвовать своей жизнью, поскольку я был убежден, что последствия убийства Сталина в той или иной степени скажутся»[8]. Одновременно он сообщил о подготовке террористического акта против С. М. Кирова так называемой «группой Ива». В результате четырем юношам, Георгию Бубелло, 1909 г.р.; Ивану Горшкову, 1909; Ричарду Дамму, 1908; и Артемию Иву, 1909 г.р., было предъявлено обвинение в террористической деятельности. К моменту ареста А. Б. Ив учился на 2-м курсе «сектора физики и механики» Ленинградского университета. И. И. Горшков был студентом Политехникума путей сообщения и работал техником в институте «Гипроруда». Здесь же был инженером Р. И. Дамм. Г. П. Бубелло после средней школы трудился в проектном отделе института «Гипромез». Старшему из них, Р. Дамму, было 23 года, он был женат, остальным — по 22. Они были дети так называемых «бывших»: биржевика, владельца рекламной конторы, инженеров. Конечно, любить советскую власть им было не за что. Отец И. Горшкова был в 1926 г. выслан на три года в Сибирь, отец Р. Дама был репрессирован, отец А. Ива, инженер Путиловского завода, дважды арестовывался. В марте 1929 г. дядя А. Ива, главный геолог акционерного общества «Лена-Голдфилдс», английский гражданин Г. Т. Ив обратился в административный отдел Ленгорисполкома с просьбой разрешить его племяннику выезд во Францию для получения высшего образования, приняв на себя оплату всех расходов. В просьбе было отказано. И. Горшков около семи раз пытался поступить в вуз и смог это сделать в 1928 г., лишь скрыв свое происхождение[9].

По показаниям И. Горшкова, ими было составлено «письмо-обращение контрреволюционного содержания к иностранным специалистам, дабы сорвать их участие в советском строительстве». А. Ив напечатал его на пишущей машинке в трех экземплярах, уничтожил первый экземпляр в надежде, что тог-

[7] Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77765. Т. 3. Л. 777, 778; Т. 4. Л. 9, 76.

[8] Там же. Т. 4. Л. 46.

[9] Там же. Т. 3. Л. 455, 570; Т. 4. Л. 5, 6, 8.

да шрифт машинки узнать не смогут. Один из экземпляров спрятали на площадке лестницы в доме Г. Бубелло. Попытка передать это письмо не удалась[10]. Именно участники группы А. Ива были обвинены в подготовке ряда террористических актов. Из протоколов допросов следует, что юноши обсуждали идею поджога архива института Гипромез путем заземления воздушных проводов на Волховстрое намеревались вызвать аварию электростанции, наконец, совершить убийство Кирова[11].

Из документов видно, что на деле их «терроризм» ограничился статьей, в которой были строки: «Появятся борцы-одиночки, восстающие против произвола по примеру славного, беззаветного Желябова, Каракозова <...> Будут эти люди, и не с того света придут они! Мы сами эти люди!», да разговорами о желательности поджога архива, аварии на Волховстрое и убийства Кирова. Юноши явно находились под действием статей и книг о народовольцах.

Особое внимание следствия, конечно, было обращено на подготовку покушения на Кирова. Р. Дамм признал, что эта идея обсуждалась на трехчетырех встречах. Первоначальный вариант предполагал покушение при входе в Смольный. Но, по словам Дамма, вариант был отвергнут из-за многолюдности и наличия охраны. Узнав место жительства Кирова, ребята решили совершить покушение при выходе его из дома. Как отметил на допросе Г. Бубелло, «с пиротехникой мы все были знакомы мало». Поэтому в качестве орудия покушения сначала предполагалось использовать бутылку из-под шампанского, начинив ее серной кислотой со взрывчатым веществом. Затем появилась идея изготовить бомбу из запаянного отрезка газовой трубы, начиненного порохом. Внутрь планировали положить склянку с бертолетовой солью и серной кислотой, отделенными друг от друга специальной пробкой. Предполагалось, что при ударе серная кислота разъест пробку, соединится с бертолетовой солью, произойдет взрыв пороха и металлической оболочки. Если бы бомба не дала желаемого результата, предлагалось использовать кинжал[12]. Сколько в этих разговорах неизжитого мальчишества! Но 21 марта 1932 г. выездная сессия Коллегии ОГПУ приговорила юношей к расстрелу. 13 апреля решение утвердила Коллегия ОГПУ. Приговор был приведен в исполнение 4 августа 1932 г.[13] Все арестованные были реабилитированы на основании заключения заместителя прокурора г. Ленинграда 28 сентября 1988 г.[14]

По мере чтения дела я всё чаще вспоминал группу Александра Ульянова. Напомню, что 1 марта 1887 г. три человека с разрывными снарядами вышли на Невский проспект, готовясь убить Александра III. Они были схвачены

[10] Там же. Л. 580 — 580 об., 620.

[11] Там же. Л. 548–549; Т. 4. Л. 46–47, 50, 52–53.

[12] Там же. Т. 3. Л. 531, 580, 582, 587 об., 619–619 об., 625; Т. 4. Л. 45–48.

[13] Там же. Л. 749, 755–758, 764, 767, 770, 773.

[14] Там же. Л. 779.

полицией, уже следившей за ними. В итоге пятеро, в том числе Александр Ульянов, были повешены. Я всегда считал и считаю этот приговор незаконным, ибо был лишь умысел на убийство. Александр Ульянов и его друзья мечтали о свободной, справедливой России. В октябре 1917 г. партия большевиков во главе с Владимиром Ульяновым-Лениным захватила власть, провозгласив своей целью построение социализма — общества без частной собственности, без эксплуатации, без денег, без армии, без государства, без насилия. Но в 1932 г. в Ленинграде расстреляли четырех юношей, которые лишь вели разговоры о терроре. Если группу А. Ульянова судило Особое присутствие Сената с участием прокурора и адвокатов, то через 45 лет решение было вынесено заочно, по сути тайком. То, что сами чекисты не относились к этому делу всерьез, подтверждается, на мой взгляд, тем, что никаких изменений в месте жительства Кирова, в системе его охраны до лета 1933 г. не произошло. Лишь тогда численность гласной и негласной охраны Кирова была доведена до 15 человек, и при поездках появилась автомашина сопровождения с двумя сменными выездными группами[15]. И только в 1934 г. было намечено переселение Кирова в специальный особняк на Крестовском острове.

References

Izmozik V. S., Lebina N. B. Peterburg sovetskij: «novyj čelovek» v starom prostranstve. SPb.: Kriga, 2010.

Kirilina A. A. Neizvestnyj Kirov. Mify i real'nost'. SPb.–M.: Neva-Olma-press, 2002.

Mihajlov B. M. Na dne blokady i vojny. SPb.: Izd-vo VSEGEI, 2001.

Zvâgincev A. G., Orlov Û. G. Raspâtye revolûciej. Rossijskie i sovetskie prokurory. 1922–1936. M.: ROSSPÈN, 1998.

Список литературы

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятые революцией. Российские и советские прокуроры. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998.

Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010.

Кирилина А. А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М.: Нева-Олма-пресс, 2002.

Михайлов Б. М. На дне блокады и войны. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001.

[15] *Кирилина А. А.* Указ. соч. С. 273.

УДК 94(47).072

**Т. В. Андреева, Т. Н. Жуковская,
П. В. Ильин, К. Г. Боленко**

Всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей»

15–16 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПбИИ РАН) прошла всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей». Проходившая под эгидой СПбИИ РАН и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, конференция стала первым в истории современной России большим научным форумом, посвященным всестороннему обсуждению преобразовательной политики Александра I, выявлению ее значения для социально-экономического и общественно-политического развития страны. Побудительной причиной для проведения конференции явилось стремление ее организаторов продолжить изучение истории российских реформ, сконцентрировав исследовательское внимание на особенностях модернизационного процесса в Российской империи в первой четверти XIX в. Конференция продолжила ряд региональных, всероссийских и международных научных форумов, проходивших в Петербурге в 2001–2014 гг. и посвященных изучению традиций отечественного реформаторства[1].

[1] Региональные исторические чтения в Музее политической истории «Реформы и реформаторы в истории России» (Санкт-Петербург, 16 марта 2001 г.); Международный Санкт-Петербургский летний культурно-исторический университет 2006 г. «Реформы

Цель проведения конференции заключалась в том, чтобы выявить место, которое занимали реальные преобразования и реформаторские инициативы царствования Александра I в российском историческом процессе. Для достижения поставленной цели участникам конференции необходимо было решить следующие задачи: рассмотреть взаимоотношения власти и общества в процессе восприятия и дальнейшей эволюции либерально-конституционной модели преобразований; изучить проблему реформ государственного управления в контексте александровской эпохи; определить основные направления решения крестьянского вопроса в царствование Александра I, соотнести их с важнейшими мерами в период правления Николая I и основными принципами Великой реформы; выявить и изучить элементы традиционализма и новаторства в преобразованиях русской армии и военного образования; проследить противоборство либеральных и консервативных тенденций в развитии русской науки, культуры, образования в изучаемый период.

В работе конференции приняли участие более 70 ведущих специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, а также Центра, Юга, Северо-Запада России, Поволжья и Урала, занимающихся социально-политической историей александровской эпохи, которая по масштабам преобразований и реформаторским поискам власти и общества представляет собой не менее значимое явление, чем петровская эпоха или время Великих реформ.

Работа научного форума проходила, помимо пленарного заседания, в рамках пяти секций. Открывая конференцию, к ее участникам обратился директор СПбИИ РАН *Н. Н. Смирнов*. Он подчеркнул историческое значение для судеб России преобразований Александра I, внесших глубокие изменения в государственный строй страны, отметил важность и многосторонность проблем, поднимаемых на конференции, высоко оценил практику открытого диалога ведущих специалистов по александровской эпохе, обратив особое внимание на необходимость укрепления и расширения научных связей различных научных и образовательных учреждений.

Приветствуя участников конференции, председатель оргкомитета *Т. В. Андреева* (СПбИИ РАН) поблагодарила собравшихся исследователей за то, что они нашли временные и финансовые возможности принять участие в научном

в России XVI — начала XX в.» (Санкт-Петербург, 9 июня 2006 г.); Всероссийская научная конференция «Власть, общество, реформы в России. История, источники, историография» (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 г.); Региональная научная конференция «Власть, общество и реформы в России в XIX–XX вв.: источники, исследования, историография» (Санкт-Петербург, 25 декабря 2007 г.; 24 декабря 2008 г.); Региональные исторические чтения в Музее политической истории «Великая реформа в России» (Санкт-Петербург, 22 марта 2011 г.); Всероссийская научная конференция «Проблемы политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв. Павел I, Александр I» (Санкт-Петербург, 20–22 октября 2011 г.); Российско-финляндский семинар «Политические элиты России и Финляндии в XIX — начале XX в.» (Генконсульство Финляндии в Санкт-Петербурге, 7 ноября 2014 г.).

форуме. Она обозначила главные проблемы, поставленные на обсуждение, важнейшей из которых, по ее мнению, является проблема взаимоотношений власти и общества — ключевая для понимания всех исторических событий имперской России.

В своем вступительном слове *С. В. Мироненко* (ГАРФ, МГУ, Москва) обратил внимание присутствующих на принципиальную важность для отечественной историографии представленной на обсуждение проблемы реформ в царствование Александра I. Исторические обстоятельства, вызвавшие буржуазные преобразования 1860-х гг., корнями уходят в александровскую эпоху. Именно с этого времени идет отсчет длительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Как подчеркнул С. В. Мироненко, в 1801–1820 гг. существовала реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России. При этом в ходе развития отечественной и зарубежной историографии были выявлены важнейшие специальные научные проблемы российской модернизации первой четверти XIX в., которые требуют дальнейшего рассмотрения: особенности официального и общественного либерализма, устойчивость консервативного политического строя, реформаторские возможности абсолютизма и их пределы.

Пленарное заседание открыл яркий доклад *А. Ю. Андреева* (МГУ, Москва) «Два реформатора: Александр I и Ф.-С. Лагарп — 40 лет вместе и порознь», в котором был дан глубокий анализ влияния Лагарпа на политическое мировоззрение Александра I, прослежены основные этапы их сложных взаимоотношений. В основу доклада был положен анализ переписки российского императора и Лагарпа, сохранившейся в личном архиве последнего в Лозанне. Докладчик убедительно показал, что посредством эпистолярии Лагарп передавал Александру свой политический опыт борьбы с авторитаризмом, строительства конституционного государства, побуждал императора к реформам, при этом учитывая национальные особенности и интересы России. Автор доклада рассмотрел важнейшие периоды этого влияния в контексте изменений внутренней и внешней политики, особенностей российского реформаторского процесса, выявил точки максимального сближения и отдаления Александра и Лагарпа. Если в 1790-х гг. речь шла о будущих конституционных преобразованиях в России, то в 1800-х гг. обсуждались проблемы взаимоотношений с Наполеоном; в 1810-х гг. Лагарп выступал против политики Священного союза. В ходе обсуждения доклада рассматривались взаимоотношения между Лагарпом и «молодыми друзьями» Александра I, был раскрыт их сложный характер: проекты реформ, предложенные швейцарцем, фактически отвергались членами Негласного комитета.

На пленарном заседании обсуждалась проблема государственного управления в России в александровское царствование, нашедшая отражение в содержательном докладе *Л. Ф. Писарьковой* (ИРИ РАН, Москва) «Верховная власть в административной системе России первой четверти XIX в.: режим ручного

управления». Докладчица обратилась к тщательному изучению процесса формирования в первой четверти XIX в. программы преобразований государственного управления, выявлению основных тенденций, которые ее обусловливали. Одной из них стало стремление носителей верховной власти к централизации управления, наметившееся еще в царствования Екатерины II и Павла I. Министерская реформа начала XIX в. в некоторой степени изменила ситуацию, в которой все нити управления замыкались на императора. Однако незавершенность административных реформ, прежде всего преобразований в местном управлении, сохраняли режим «ручного управления», которому способствовало усиление в 1810-х гг. роли личной канцелярии императора во главе с А. А. Аракчеевым. В докладе было показано, что в основе программы реформ управления лежало желание Александра I навести порядок и утвердить законность в административной системе. Была продемонстрирована роль императора не только в управленческом, но и в преобразовательном процессе, когда в ходе ознакомительных поездок по России он выявлял «болевые точки» управления страной и стремился их «излечить» путем проведения реформ центрального и местного управления. После доклада состоялся содержательный обмен мнениями по вопросу о соотношении сенатской и министерской реформ начала XIX в.

Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные крестьянскому вопросу в царствование Александра I. *С. Л. Чернов* (МГУ, Москва) в новаторском докладе «Крестьянский вопрос в России (1766–1861 гг.)» продемонстрировал взаимосвязь социально-экономических и политических пластов в крестьянском вопросе, взаимообусловленность самодержавно-бюрократической системы, сословной парадигмы и крепостного права на протяжении почти столетия. Одной из главных задач самодержавия было упорядочение сословного строя, в том числе посредством оформления его правовой базы с помощью кодификации законов. По мнению докладчика, вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — единая эпоха борьбы правительства за решение крестьянского вопроса, причем инициатива всегда исходила от верховной власти, которая не могла справиться с противоборством помещиков. Поэтому постоянно возникали три важнейших вопроса: как добиться от помещиков если не помощи, то хотя бы прекращения сопротивления; какие технологии нужно применять для успешного решения проблемы; чем заменить крепостное право. Как полагает исследователь, эти вопросы не были решены вплоть до 1861 г. потому, что для этого не было достаточных социально-экономических и политических предпосылок: крепостная система обеспечивала стабильность государства. К этому нужно добавить: поскольку самодержавие стремилось решить проблему российской модернизации только бюрократическим путем, а потребность в преобразованиях, обусловленная влиянием Запада, складывалась раньше, чем страна созревала для перемен,— всё это приводило к укреплению самодержавия и ослаблению общественного реформаторства. При обсуждении доклада

наибольший интерес вызвал вопрос о преемственности планов и конкретных мероприятий по решению крестьянского вопроса в царствования Александра I и Николая I, а также насколько эффективным для империи стало бы сохранение крепостного права после 1861 г.

В обобщающем докладе «Крестьянский вопрос от Александра I до Александра II: пути воплощения» *И. В. Ружицкая* (ИРИ РАН, Москва) выступила с оригинальной трактовкой крестьянской проблемы в первой половине XIX в. С ее точки зрения, безземельное освобождение в Прибалтике в 1816–1819 гг., имевшее достаточно негативные последствия, стало репетицией крестьянской реформы в России — экспериментом, в результате которого безземельный вариант был отвергнут. При Александре I происходил целенаправленный поиск путей и моделей освобождения крестьян, одновременно реализовывались три способа преобразований: личное освобождение с наделением собственностью за выкуп, освобождение с передачей земли в наследственное пользование (аренду), безземельное освобождение. В результате этого поиска к 1810-м гг. сложилась итоговая концепция реформы, которая сохраняла свое значение и в царствование Николая I. Она состояла из следующих основных положений: отказ от выкупа личной свободы, отказ от безземельного освобождения, необходимость переходного периода, признание оптимальным вариантом наделения крестьян землей в пользование с перспективой ее выкупа. В целом крестьянская реформа, по мнению историка, могла состояться значительно раньше 1861 г., но только в условиях компромиссного решения, при котором помещики сохраняли земельную собственность. Этот вариант устраивал как власть, так и помещиков. Представляется, что данная концепция заслуживает не только особого внимания, но и глубокого анализа.

На пленарном заседании были затронуты некоторые важные аспекты истории исторической науки XIX — начала XX в. В докладе чл.-корр. РАН *И. П. Медведева* (СПбИИ РАН) «Н. П. Румянцев о своей “спонсорской деятельности” в области науки» на широкой источниковой основе было показано, что, несмотря на обвинение в государственной измене и сложные взаимоотношения с верховной властью, граф Н. П. Румянцев служил России не только как государственный деятель, но и как ученый и меценат. Докладчик, опираясь на неопубликованную переписку Н. П. Румянцева, продемонстрировал, что граф сыграл огромную роль в создании знаменитого кружка историков, источниковедов и археографов, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории, а главное — в спонсировании многочисленных научных проектов. Именно в александровское царствование организаторскими усилиями и при финансовой помощи Н. П. Румянцева были изданы древнерусские летописи, Изборник Святослава 1073 г., сборник Кирши Данилова, Судебники 1497 и 1550 гг., Остромирово евангелие и т.д. — публикации, заложившие фундамент отечественного источниковедения и давшие мощный толчок развитию русской исторической науки XIX — начала XX в.

Доклад *А. Н. Цамутали* (СПбИИ РАН) «С. Ф. Платонов об Александре I» был посвящен выявлению главных черт образа императора в трудах выдающегося историка, определению факторов, которые, с точки зрения С. Ф. Платонова, повлияли на формирование политического мировоззрения Александра I и государственной концепции его царствования. Как показал автор доклада, для С. Ф. Платонова важнейшими из них были: система «умственного воспитания» Александра, влияние на него «молодых друзей», сотрудничество с М. М. Сперанским. Историк рассматривал данный исторический период как эпоху, которая была призвана осуществить переход к новой форме государственного устройства, сложившейся в период Великих реформ. Одной из своих главных задач С. Ф. Платонов считал выяснение вопроса, почему Александр не смог провести коренные внутренние преобразования. Историк полагал, что в российской государственной политике первой половины XIX в. решение задач внешней политики преобладало над разрешением внутренних проблем. По его мнению, перерождение Священного союза в инструмент борьбы с либерально-освободительным движением в Европе было обусловлено тем, что Александр в теории стремился подчинить право и политику задачам морали и религии, а на практике политика и право в ловких руках К. Меттерниха превратились в инструменты усиления консервативных тенденций.

Таганрогская трагедия не только вызвала в России династический и политический кризис, но породила в историческом сознании и историографии проблему смерти Александра I, которая оказалась сегодня столь же актуальной, как и 190 лет назад. Главной задачей совместного доклада *Т. В. Андреевой* (СПбИИ РАН) и *Л. В. Выскочкова* (СПбГУ) «Утомление жизнью или уход: Александр I, 1825 год. Новые материалы» стало дезавуирование реанимированной некоторыми современными авторами старой версии о тождестве Александра I и Федора Кузьмича, а главное — обоснование факта смерти императора в Таганроге новыми документальными материалами. Помимо известных источников, как подчеркнули докладчики, реальность этого события подтверждается новыми материалами: мемуарами секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинова, письмами И. И. Дибича и П. М. Волконского к секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову. В докладе также отмечалось, что при всем утомлении и разочаровании жизнью, характерных для последних лет жизни Александра I, обусловленных рядом внешне- и внутриполитических причин, он оставался государем, отвечавшим за свою страну и подданных, не выпускавшим из своих рук нитей управления и сохранявшим реформаторский потенциал. Последние годы александровского царствования характеризуются интенсивным законотворческим процессом и поиском путей совершенствования системы управления. Но в условиях широкого распространения в русском обществе и армии западных либеральных идей и революционных событий в Европе новая модель преобразований предполагала не замену, а постепенное реформирование и дополнение действующих институтов струк-

турами, способными установить законность и обеспечить порядок на местах. Именно с этим связана деятельность Комиссии составления законов по выявлению и систематизации отечественных законодательных материалов, ставшая важным этапом в подготовке Полного собрания и Свода законов Российской империи. В целом вопрос о смерти Александра I, как считают докладчики, следует рассматривать в контексте исторических проблем последнего периода его царствования и отделять от вопроса о жизни сибирского старца Федора Кузьмича, привлекая прежде всего документы официального происхождения.

В рамках работы первой секции *«Либерально-конституционные идеи в России в первой четверти XIX века: правительство и общество»* внимание было привлечено к специфическим чертам правительственного либерализма — как в историческом, так и историографическом аспектах, в отношении как реализованных реформаторских шагов, так и обсуждавшихся и готовящихся проектов. Большое место отводилось анализу общественного либерализма начала XIX в., его соотношению с правительственным либерализмом, взаимосвязи с государственной политикой и историей идей данного исторического периода.

Доклад *К. С. Чернова* (Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова) «Правительственный федерализм во внутренней политике Александра I» носил теоретический характер и охватывал значительный исторический период, поскольку затрагивал проблему исторического генезиса и типологии механизмов включения в состав Российской империи территорий с особым статусом. Применительно к царствованию Александра I докладчик рассмотрел вопрос о синхронном существовании различных систем управления территориями (Польши, Финляндии, Молдавии, Сибири, центральных губерний — «опыты» генерал-губернаторства А. Д. Балашева) и различных механизмов интеграции этих территорий («монархический федерализм»).

Доклад *А. Ю. Дворниченко* и *М. С. Белоусова* (СПбГУ) «Конституционная политика Александра I в творчестве Г. В. Вернадского» также затронул проблему федералистских начал государственного управления в начале XIX в., но в историографическом аспекте. Федералистские принципы в государственном устройстве были предметом особого внимания известного русского историка XX в. С точки зрения Г. В. Вернадского, речь должна идти лишь о федералистской тенденции, но не о федерализме монархической системы. Докладчики анализировали особенности освещения конституционной политики Александра I как в опубликованных, так и в неопубликованных трудах историка, а также в лекциях и других материалах его архивного фонда (Бахметевский архив Колумбийского университета, США). Г. В. Вернадский создал оригинальную концепцию правительственного конституционализма эпохи Александра I, вписав его в широкий контекст европейской и американской истории и установив его взаимосвязь с проектами декабристов. Авторы доклада показали вклад исследований Г. В. Вернадского в историю конституционных идей и проектов в России XVIII–XIX вв. При этом было подчеркнуто, что

некоторые наблюдения историка-эмигранта, сделанные в 1920-х — 1940-х гг., остались незамеченными в отечественной историографии.

Ф. Л. Севастьянов (Межрегиональный институт экономики и права, Санкт-Петербург) в докладе «Руссо против Савиньи или Сперанский против Розенкампфа? Борьба идей и борьба личностей в ходе кодификационных работ первой четверти XIX в.» рассмотрел круг вопросов, связанных с противоборством групп влияния в бюрократической элите. В основе ряда конфликтов, возникших вокруг кодификационных работ, проводившихся Комиссией составления законов в течение всего царствования Александра I, по мнению докладчика, в большей степени лежало личное противостояние крупных государственных деятелей, в особенности проявившееся накануне Отечественной войны 1812 г., хотя нельзя не учитывать и влияния различных концепций реформирования правовой системы.

М. М. Шевченко (МГУ, Москва) в сообщении «С. С. Уваров об императоре Александре I на рубеже 1820-х — 1830-х гг.» представил ретроспективный взгляд С. С. Уварова на личность и правление императора Александра I уже в новую политическую эпоху. Будучи убежденным противником крепостного права, С. С. Уваров в этот период времени критически относился к реформаторским шагам Александра, считал глубоко вредным влияние Лагарпа и «молодых друзей» на императора в первые годы его царствования, рассматривал это влияние как антинациональное, не учитывающее специфику российских условий. Последнее десятилетие царствования оценивалось также критически из-за предпочтений, отдаваемых Александром Царству Польскому. В основу сообщения были положены неопубликованные источники личного происхождения и сочинения С. С. Уварова на французском языке, малоизвестные в научной литературе.

Л. В. Мельникова (ИРИ РАН, Москва) в докладе «Конституционный эксперимент в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I» проанализировала Конституционную хартию Царства Польского 1815 г. Докладчица показала, что эта конституция была призвана не только помочь в решении польского вопроса, но и стать «пробным камнем» в реализации давно вынашиваемого Александром I замысла — введения конституционной монархии в России. В докладе рассматривалось отношение российского общества к польскому «конституционному эксперименту», а также оппозиционные настроения в Царстве Польском, были представлены наблюдения относительно причин неудачи этого либерального замысла императора. Важнейшими из них стали негативный исторический опыт сосуществования двух народов и национальное польское движение, направленное на достижение полной государственной независимости.

О. А. Любезников (ГМ «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург) продолжил эту тему, выступив с сообщением «Создание русскоязычного текста конституции Царства Польского: к вопросу о преобразовательных планах Александра I».

По мнению исследователя, в основу общеимперских конституционных преобразований мог быть положен русскоязычный перевод конституции Царства Польского. В этой связи приобретает особую значимость изучение всех известных попыток создания такого перевода, а также взаимосвязь польской конституции и правительственных реформаторских проектов 1810-х гг.

Часть докладов на секции была посвящена различным проявлениям общественного либерализма в александровское царствование. *Е. Б. Мирзоев* (Москва) в докладе «Специфика конституционализма А. П. Куницына» на основе анализа сочинений выдающегося правоведа и публициста рассмотрел его трактовки теории общественного договора, понятий «конституция», «гражданин», «деспотизм». Докладчик показал отношение А. П. Куницына к проблеме ограничения самодержавной власти, тем самым определив специфику политического мировоззрения этого крупного представителя общественного либерализма. С точки зрения исследователя, тот факт, что, несмотря на умеренно-консервативную трактовку А. П. Куницыным концепции общественного договора и теории разделения властей и отсутствие у него тезиса о необходимости не только гражданских, но и политических прав, он тем не менее подвергся опале в 1820-х гг., был обусловлен осуществленным им несанкционированным вынесением указанной проблематики в сферу открытого общественного обсуждения.

П. В. Ильин (СПбИИ РАН) в своем докладе, в основу которого были положены недавно опубликованные мемуары и письма одного из видных деятелей декабристского движения С. П. Трубецкого[2], описал ожидания декабристского круга, касающиеся реформаторских шагов и намерений Александра I в 1810-х гг., а также их восприятие в оппозиционной дворянской среде. Особое внимание П. В. Ильин уделил отношению деятелей декабристских обществ к ожидаемому освобождению крестьян. Автор доклада показал, что это отношение, судя по письмам и запискам С. П. Трубецкого, было весьма осторожным, напрямую связанным с экономическими интересами дворянства. При всем одобрении целей правительственного реформаторства декабристы были настроены часто критически, особенно в отношении конкретных планов реализации крестьянской реформы.

Доклады, заслушанные на второй секции «*Государственное управление в России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение*», охватывали самый широкий круг вопросов — от проблем внешней политики до конкретных аспектов служебных и личных отношений управленцев-администраторов в царствование Александра I.

Одним из наиболее содержательных стал доклад *С. А. Исаева* (СПбИИ РАН) «Как император Александр I построил руководство внешней политикой Российской империи в 1801–1815 гг.», основанный в том числе на анализе источников из американских архивов. Докладчик характеризовал административный

[2] См.: *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Изд. подг. Т. В. Андреева, П. В. Ильин. СПб., 2011.

стиль императора в этот период как сочетание личного руководства с периодическим предоставлением главам внешнеполитического ведомства определенной свободы действий. В качестве примера автор доклада сосредоточил свое внимание на одном из загадочных эпизодов такого рода практики — предоставлении Н. П. Румянцеву широких полномочий по ведению переговоров с США с целью сделать Россию посредником в начавшейся англо-американской войне. По мнению С. А. Исаева, Александр I фактически манипулировал собственным министром, сохраняя реальное руководство процессом и получая бóльшую, чем раньше, свободу действий. В 1813 г. император создал второй центр управления внешней политикой (во главе со статс-секретарем К. В. Нессельроде), находившийся под прямым контролем самодержца.

Значительный интерес привлек к себе доклад *М. А. Приходько* (Московская государственная юридическая академия) «Взаимодействие коллежской и министерской систем государственного управления в правление императора Александра I», который анонсировался его автором как «сплошное спорное место». По мнению докладчика, сочетание министерского и коллегиального принципов в системе центрального управления на протяжении первой трети XIX в. следует определить как «симбиоз», в рамках которого министерский принцип действовал при решении важнейших вопросов, а коллежский — в текущих делах.

П. В. Акульшин (Рязанский государственный университет) в докладе «Бюрократы и оппозиционеры: члены Негласного комитета и литературного общества «Арзамас» и проблема реформ в правительственной политике первой четверти XIX в.» изложил свой взгляд на реформаторский процесс и роль участников общества «Арзамас» в реформах первой половины XIX в. и в идеологических процессах этого времени. По мнению докладчика, замедленность правительственных реформ следует признать заслугой Александра I: она доказывает понимание императором того обстоятельства, что быстро реформировать такую огромную и многонациональную страну, как Россия, невозможно. Рассмотрение общественно-политического мировоззрения членов общества «Арзамас» с точки зрения интересов российской государственности позволяет увидеть как определенную преемственность взглядов членов Негласного комитета и «арзамасцев», так и тот факт, что воплощением идейных исканий последних в конечном счете стала теория «официальной народности».

Доклад *П. Д. Николаенко* (СПбУ МВД РФ) «В. П. Кочубей и проблема государственного управления в России первой четверти XIX в.» был посвящен обоснованию тезиса о недооцененности В. П. Кочубея как крупнейшего и выдающегося государственного деятеля. Докладчик привел свое объяснение этому факту: недооценка вызвана дефицитом источников и прежде всего гибелью личного документального собрания Кочубея вместе с другими бумагами Полтавского областного архива. П. Д. Николаенко подчеркнул важность для развития российской государственности и успешность деятельности В. П. Кочу-

бея как главы МВД. По мнению докладчика, именно Кочубей превратил МВД в образцовое ведомство, послужившее примером для других центральных учреждений.

В докладе *А. Ю. Скрыдлова* (СПбФ ИИЕТ, Санкт-Петербург) «Министерство полиции под управлением А. Д. Балашева: особенности формирования структуры ведомства и кадровой политики» был рассмотрен процесс подготовки нормативных документов, обеспечивавших функционирование органа, сочетавшего в себе функции тайной и публичной полиции. Историк отметил, что министерство должно было стать также контролирующим органом по отношению к учреждениям местного и губернского управления. Любопытно проведенное докладчиком разделение сотрудников министерства на три категории, обладавшие различными степенями полномочий при выработке и реализации министерских распоряжений. Заслуживает внимания и его замечание, что значение министерства, как и само его появление, определялось высоким статусом А. Д. Балашева, его близостью к императору.

Сообщение *К. Г. Боленко* (ГМ «Архангельское», Москва) «М. М. Сперанский и Д. В. Голицын: к истории служебных и личных отношений» касалось ранее неизвестного сюжета о глубоком доверии, существовавшем между этими высокопоставленными администраторами в 1820-х — 1830-х гг., их сотрудничестве по различным вопросам. Они откровенно обсуждали детали законотворческого процесса в Комиссии составления законов и Государственном совете, и не исключено, что Д. В. Голицын именно через М. М. Сперанского подавал императору свои записки по крестьянскому вопросу. В основе этого доверия, как показал докладчик, могла лежать близость их взглядов на преобразование России. Так, Д. В. Голицын считал, что основной причиной кризиса внутреннего управления является незавершенность реформ, начатых М. М. Сперанским в 1810 г.

В докладе *Н. А. Могилевского* (МГИМО МИД РФ, Москва) «Деятельность московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина в контексте взаимоотношений центральной и местной власти в начале XIX в.» сделана попытка доказать, что на административную деятельность Ф. В. Ростопчина оказало большое влияние его стремление обойти существовавшую на тот момент в России систему подчинения губернаторов Министерству внутренних дел, укрепить личные отношения с императором, став его доверенным лицом и советчиком. В 1812 г. Александр I мирился с этими претензиями, но уже в 1813 г. устанавливается жесткая подчиненность Ф. В. Ростопчина министерству.

В выступлении *И. Е. Барыкиной* (Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования) «Эволюция идей единства и коллегиальности в самодержавной системе управления второй половины XIX в.» было показано, что недостатки российской администрации первой половины XIX в. продолжали существовать и впоследствии. Авторы проектов реформ, поданных на высочайшее имя во второй половине столетия, как показано в докладе, предлагали аналогичные, хотя и не лишенные своей специфики средства

борьба с ними. Во второй половине 1850-х гг. в бюрократических кругах пользовалась популярностью идея децентрализации, в 1870-е гг. — идея создания особого ведомства по экономическим вопросам, в 1880-х гг. проявилась тенденция к реформированию учреждений, непосредственно связанных с самодержцем — Канцелярии и Комиссии прошений. Кроме того, как отметил автор доклада, была сделана неудачная попытка превратить комиссию, действовавшую в столице во время отсутствия императора, в высший орган, который должен был обеспечить единство действий государственного аппарата.

Большой интерес привлек доклад *А. Н. Бикташевой* (Школа исторических наук НИУ ВШЭ, Москва) «Сенатские ревизии первой четверти XIX в. в судьбах российских губернаторов». Количество сенатских ревизий в указанный период было бóльшим, нежели в царствование Николая I (соответственно 52 и 38). Увольнения губернаторов от должности часто совпадали с проведением ревизий, и даже в случае оправдания в выдвинутых обвинениях карьера отставного губернатора восстанавливалась далеко не сразу. Ввиду перманентно непростых отношений, существовавших между губернаторами и органами дворянского самоуправления, а также возможности предводителей дворянства использовать ревизии в свою пользу, они имели неожиданный результат: падение престижа коронной власти на местах. Сокращение числа ревизий и полномочий ревизоров при Николае I явилось попыткой исправить эту ситуацию.

Тема взаимоотношений коронной власти и местного дворянства была продолжена докладом *К. К. Билеуш* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) «Дворянское сословное самоуправление в первой четверти XIX в.: свобода под контролем государственной власти», которая сосредоточила свое внимание на тех ограничениях, которые накладывала на сословное самоуправление верховная власть. Политика Александра I, по мнению докладчицы, страдала заметной непоследовательностью в этом вопросе: сословные права то расширялись, то уменьшались.

В докладе *А. И. Феребова* (ГМЗ «Московский Кремль») «“Ревизии” указа об экзаменах на чины с 1812 г. и его соблюдение при Александре I» был подвергнут сомнению распространенный в историографии тезис, что указ 1809 г. быстро оброс исключениями и фактически не действовал. По мнению исследователя, в указе главной была не нормативная сторона, а идея стимулирования дворян к помещению детей в университеты, что в целом удалось. К тому же «изъятия» из указа были незначительными, комитеты при университетах, которые должны были принимать экзамены у чиновников, работали, хотя количество лиц, сдавших экзамены, было невелико.

Особое место в работе секции занял доклад *А. А. Цымбал* (Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник) «Создание таганрогского градоначальства в 1802 г. и его роль в развитии Приазовья», который продемонстрировал вклад Александра I в развитие Таганрога начиная с 1800-х гг. Это прежде всего благотворное для города введение

должности градоначальника, находившегося в прямом подчинении императору. Имея широкие возможности для проявления личной инициативы, градоначальники превратили таганрогский порт в мощного конкурента Одессы; один из них, Б. Б. Кампенгаузен, сделал блестящую административную карьеру.

Третья секция «*На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Александра I*» была посвящена рассмотрению специальных сюжетов, связанных с проблематикой подготовки реформирования института крепостного права в первой четверти XIX в.

Работу секции открыл доклад *В. М. Боковой* (ГИМ, Москва) «Из истории крестьянского вопроса в царствование Александра I». Исследовательница посвятила его одному из проектов крестьянской реформы в александровскую эпоху — введению вечнонаследственной крестьянской аренды земли с одновременным заключением «условий» помещика с крестьянами. Данный вариант решения крестьянского вопроса часто не предусматривал личного освобождения. Проекты такого рода обсуждались в Негласном комитете, а также формулировались в сочинениях А. М. Бакунина, В. О. Стройновского, В. Н. Каразина и других авторов — сторонников решения крестьянского вопроса в пользу дворянства. Эти проекты имели широкий отклик и повлияли, с одной стороны, на правительственных реформаторов (М. М. Сперанского, П. Д. Киселева), с другой — на декабристов (Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева).

Н. В. Дунаева (СПбФ НИУ ВШЭ) в обстоятельном докладе «Трансформация сословного права в Российской империи и крестьянский вопрос (первая четверть XIX в.)» познакомила с результатами междисциплинарного (историко-юридического) исследования отечественного законодательства начала XIX в., касающегося сословных прав и крестьянской реформы. Исследовательница подчеркнула, что заложенные при Александре I идеи и проекты преобразований крепостного права и сословного строя сыграли огромную роль в последующем развитии правового устройства империи. Так, при Александре I начал развиваться сектор дворцового, удельного и казенного крестьянства, который затем первым подвергся модернизационным реформам. Процесс крестьянской эмансипации шел постепенно, но он почти не охватывал помещичьих крестьян. Н. В. Дунаева продемонстрировала обнаруженную ею корреляцию между правовыми средствами решения крестьянского вопроса и уровнем эффективности реформирования сословного права.

А. Н. Долгих (Липецкий государственный педагогический университет) в своем выступлении «Владельческие крестьяне первой четверти XIX в. и проблема движимой и недвижимой собственности в отечественной историографии» затронул историографический аспект крестьянского вопроса. Историк поднял имеющий до сих пор неоднозначное освещение в научной литературе вопрос о том, были ли владельческие крестьяне движимой или недвижимой собственностью помещиков. Участники дискуссии, развернувшейся после доклада, пришли к мнению, что в рамках существовавшей правовой неопределенности

в отношении этого вопроса крестьяне, не будучи субъектом сословного права, не являлись ни движимой, ни недвижимой собственностью, хотя на практике с юридической точки зрения могли считаться движимой собственностью, поскольку были предметом купли-продажи.

Д. В. Тимофеев (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) представил содержательный доклад «В ожидании решения крепостного вопроса: опыт сравнительного анализа проектов, прошений и слухов о возможном освобождении крестьян в России первой четверти XIX в.». Докладчик главным образом на основе архивных источников продемонстрировал результаты сравнительного анализа дворянских и купеческих проектов, крестьянских прошений и слухов начала XIX в., касающихся вопроса о преобразовании крепостного права. Исследователь выявил основные варианты обоснования крестьянской реформы, известные по дворянским проектам, купеческим предложениям и обращениям крестьян. Автор доклада отметил, что если в дворянских проектах необходимость освобождения крестьян обосновывалась государственной пользой, а предлагавшийся сценарий был отложен во времени (со ссылкой на то, что первоначально следует озаботиться просвещением крестьян), то прошения купцов содержали указания на предоставленное им право покупки населенных земель, являясь попыткой получить права на управление крестьянами (при этом с крестьянами заключались договора об обработке земли). Сценарии освобождения варьировались от дворянского, подразумевавшего сохранение за помещиками земельной собственности, перевод крестьян на казенные земли и компенсацию государством стоимости крестьянских работ,— до крестьянского, ставившего во главу угла перевод освобождаемых в государственные крестьяне с наделением их землей. Особое внимание в докладе было уделено основаниям, которые крестьяне считали достаточными для подачи обращений о предоставлении им «свободы от рабства»: они питались слухами о немедленном освобождении, всегда адресовались к высшей власти, рассчитывая на нее и не ожидая, что помещики станут инициаторами освобождения.

Завершил заседание секции *В. А. Шкерин* (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) с сообщением «Проект учреждения горных городов на Урале: замысел и воплощение», в котором был рассмотрен непосредственно связанный с проблемой крестьянского освобождения «проект Горного положения», утвержденный императором в 1806 г. Проект предусматривал учреждение на Урале горных городов, свободных от подневольного труда. Реформа не была завершена: Екатеринбург остался единственным в стране горным городом, однако реализация проекта не способствовала решению проблемы крепостного фабричного и заводского труда.

Доклады четвертой секции «*Армия и военное образование в России в первой четверти XIX в.: традиции и новации*» были сосредоточены на историографии Отечественной войны 1812 г., истории военного образования, особенностях функционирования приграничных военных формирований.

К. Б. Жучков (Псковский государственный университет) проанализировал, как в публикациях зарубежных историков Д. Ливена и П.-М. Рей, переведенных и изданных в России, представлены отношения Александра I и М. И. Кутузова. По мнению докладчика, несмотря на достоинства монографии Д. Ливена и заявления иностранного автора об изложенных в ней «новых взглядах» на историю войны 1812 г., и в этой работе, и в книге П.-М. Рей никакого обновления научных представлений по этой проблеме не произошло. Авторы продолжают воспроизводить мифы либерально-буржуазной историографии начала XX в., что обязательно должно быть отмечено при их рецензировании.

В докладе *Н. Н. Ауровой* (ИРИ РАН, Москва) «Политика правительства в области военного образования в эпоху Александра I» был сделан акцент на постепенном усилении военного начала в кадетских корпусах и сближении дисциплинарных требований с армейскими. Этот процесс начался еще в павловское царствование, продолжался при его преемнике и затронул все корпуса, включая наиболее привилегированный Пажеский, поскольку становление гражданской школы, общенациональной сети уездных училищ, гимназий и университетов делало ненужной подготовку соответствующих специалистов в системе военного образования. Кадетские корпуса старого образца, детище XVIII в., выполнили свою первоначальную в широком смысле просветительскую функцию и в новых условиях должны были готовить исключительно офицеров.

Завершил работу секции доклад *Р. Н. Рахимова* (Центр гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований, Уфа) «Отдельный Оренбургский корпус в первой четверти XIX в.: потенциал и трансформации», в котором была описана весьма пестрая штатная структура корпуса (в том числе большой удельный вес иррегулярной инородческой компоненты) и проанализированы факторы, повлиявшие на ее формирование. Хорошо подходившая для решения военно-политических задач первой половины XIX в., эта структура впоследствии стала препятствием для функционирования военных сил в этом регионе, и в середине 1860-х гг. корпус был упразднен.

В ходе работы пятой секции «*Наука, культура, образование в первой четверти XIX в.: реформы и реформаторы*» были заслушаны и обсуждены доклады, сфокусированные на реформах александровского царствования в области науки и образования, в том числе затрагивающие историю становления школьной системы, университетов, научных учреждений, системы религиозного просвещения, цензуры и журналистики.

Е. Ю. Басаргина (СПбФ Архива РАН, Санкт-Петербург) предложила новую оценку проектов реформы Академии наук, которые возникли в первые годы XIX в. в связи с созданием Министерства народного просвещения и утверждением новой образовательной модели, стержнем которой становилась система университетов. Было показано, что Регламент Академии 1803 г., объявив ее «первым ученым обществом», существенно сузил ее педагогические

обязанности, окончательно решив вопрос о размежевании подготовки научных кадров между Академией и университетами. Вопреки желанию многих членов Академии и поданным проектам возобновления университета при Академии, Регламент 1803 г. упразднил академические университет и гимназию. Академия наук получила статус исключительно научного учреждения, ее единственной прерогативой осталась подготовка собственной научной смены, что выразилось в создании института «академических воспитанников», существовавшего в следующие два десятилетия.

К. А. Ильина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Проекты попечителей учебных округов по реформированию системы народного просвещения» рассмотрела основы переопределения стратегий власти в университетской политике в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг., которые были заложены в проектах попечителей учебных округов. Проекты М. Л. Магницкого («Отчет по обозрении Казанского университета», инструкция ректору и директору Казанского университета, «Записка о народном воспитании»), а также записка Е. В. Карнеева («О новом образовании Харьковского университета») предлагали расширение власти попечителей в подчиненных им университетах, жесткую регламентацию деятельности профессоров и студентов в качестве идеальной модели обновленного университета.

Т. Н. Жуковская (СПбГУ) в докладе «“Дело профессоров” в Петербургском университете (1821–1826): новые материалы» предложила новую интерпретацию так называемых контрреформ в области просвещения начала 1820-х гг., которые отразились на известном «деле профессоров» Петербургского университета. Этот «казус» был рассмотрен с привлечением новых материалов из ведомственных и университетских архивов, реконструированы мотивы действий попечителя столичного учебного округа Д. П. Рунича, способы фабрикации обвинения профессоров в «безбожии» и подрыве государственных устоев, методы и хроника внесудебного разбора этого дела, которое раскололо университетскую корпорацию и привело столичный университет в упадок.

В докладе *Р. Х. Галиуллиной* (Казанский юридический институт МВД РФ) «“Управление словом”: формирование основ цензурной политики в российских университетах первой четверти XIX века» была рассмотрена цензурная политика первой четверти XIX в., когда экспертиза рукописей и привозной иностранной литературы была возложена на цензурные комитеты университетов. Изучение делопроизводства цензурных комитетов Московского и Казанского университетов позволило понять, как на практике была организована деятельность профессоров-цензоров, регламентированная как либеральным уставом о цензуре 1804 г., так и позднейшими запретительными актами и распоряжениями Министерства духовных дел и народного просвещения.

В докладе *Е. А. Калининой* (Петрозаводский государственный университет) «Забытые школы: городские начальные общественные училища в России в 1804–1825 гг.» на основе законодательных актов и архивных источников

была прослежена история становления и развития уездных и городских приходских и других начальных училищ в 1804–1825 гг. В это время впервые было обращено внимание на финансирование школ низшего уровня и обеспечение их учительскими кадрами. Результатом реформы стало, в частности, появление школьной сети в уездных городах Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний, распределение выпускников Петербургского педагогического института и университета в уездные училища и гимназии столичного учебного округа и других округов Российской империи.

В выступлении *Т. Г. Фрименковой* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) была представлена организация общего и специального образования в Петербургском воспитательном доме в царствование Александра I. Автор доклада подчеркнула, что покровительница этого учреждения императрица Мария Федоровна непрерывно реформировала организацию образования в нем, стремилась дать детям-сиротам возможность получать образование по способностям. Уровень полученного образования позволял некоторым питомцам воспитательного дома продолжать обучение в университете при сохранении финансовой поддержки со стороны ведомства Марии Федоровны.

М. А. Златина (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) рассмотрела процесс проектирования и создания коронными властями и еврейскими просветителями еврейских общеобразовательных школ в России в царствование Александра I. Были показаны причины, по которым подобные учебные заведения так и не удалось успешно организовать. К числу этих причин относились непоследовательность планов правительства в отношении евреев и множественность возлагаемых на еврейские школы задач — от просветительских до полицейских.

В. В. Кучурин (Ленинградский областной институт развития образования, Санкт-Петербург) посвятил свой доклад анализу неопубликованной «Записки о церкви» М. М. Сперанского. Ее автор, как было показано докладчиком, развивал мистическое учение о «внутренней церкви», которое легло в основу расцвета религиозного мистицизма и экуменизма в царствование Александра I. Это позволяет не только говорить о долговременном влиянии М. М. Сперанского на мировоззрение императора, но и уточнить идейные основания просветительских реформ 1810-х — начала 1820-х гг.

Развивая эту тему, *К. Е. Нетужилов* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург) в докладе «Церковная журналистика в царствование императора Александра I: предпосылки и становление» обратился к истории возникновения в России церковной журналистики в первые десятилетия XIX в. Докладчик связал это явление с последствиями реформы духовного образования в 1807–1808 гг., благодаря которой в России возник многочисленный слой разносторонне образованного и ориентированного на интеллектуальную деятельность духовенства. Запросы и религиозно-просветительские амбиции этого слоя отражал, в частности, первый

в России церковный журнал «Христианское чтение». В докладе подробно рассматривались история создания, структура, идеология и общественное влияние этого издания.

М. Ф. Хартанович (МАЭ им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург) обратила внимание на изменения в статусе, организации и обеспечении естественнонаучных музеев в первой трети XIX в. на примере Кунсткамеры, основанной Петром I. Было высказано наблюдение: Кунсткамера в начале XIX в. становится не только главным хранилищем научных коллекций, но и центром пропаганды научных знаний. Ее фонды при Александре I целенаправленно пополнялись во время морских кругосветных путешествий, научных экспедиций, а также путем покупки научных коллекций у частных собирателей. На базе Кунсткамеры формируются тематические собрания и музеи (Азиатский музей, Египетский музей, Минералогический кабинет и др.).

И. М. Захарова (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) посвятила свое выступление особенностям формирования эрмитажных коллекций при Александре I. Особое внимание было обращено на устройство Императорского Эрмитажа, роль его хранителей, способы пополнения его коллекций и личный вклад императора в дело приобретения экспонатов.

Завершая обзор состоявшегося научного форума, следует отметить, что его организаторы и участники не ставили перед собой задачу подвести итоги изучения царствования Александра I. Проходившая в атмосфере плодотворных дискуссий конференция выявила множество важных исследовательских проблем, требующих дальнейшего тщательного и глубокого анализа и осмысления. В ходе работы были определены перспективные исследовательские направления: социально-экономическая история России первой четверти XIX в. в контексте выявления реальных условий для введения конституции и отмены крепостного права; идеолого-политическая история александровского царствования в аспекте специфических особенностей правительственного и общественного либерализма; Александр I в судьбе России: современная отечественная и зарубежная историография; компаративистская история применительно к предыдущим и последующим царствованиям и Европейскому миру.

Общественное и научное значение конференции состояло в том, что она привлекла значительное внимание как специалистов-историков, так и широких общественно-научных кругов к проблеме осмысления того исторического опыта, который на протяжении XIX — начала XX в. был приобретен властью и обществом.

Во время работы конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПбИИ РАН на основе материалов фондов библиотеки и Научно-исторического архива института были открыты и пользовались большим вниманием участников и гостей научного форума выставки книг и архивных документов, затрагивающих проблемы истории России в царствование Александра I.

Конференция прошла на высоком научном уровне, в полной мере продемонстрировав актуальность исследований александровской эпохи в современном историографическом пространстве. Состоявшийся научный форум показал, что плодотворные результаты в изучении указанного периода отечественной истории могут быть достигнуты лишь коллективными усилиями, совместной работой. Конференция способствовала неформальному объединению ведущих специалистов, занимающихся историей царствования Александра I, в особую научную корпорацию, выявила потребность в проведении периодических «Александровских чтений», которые позволили бы сформировать пространство активной научной коммуникации для исследователей, разрабатывающих проблемы российской истории первых десятилетий XIX столетия.